The image shows the front cover of a book. The cover is decorated with a repeating floral pattern of pink and white flowers with yellow and red centers, set against a light green background. A central white rectangular label contains the title in Cyrillic. The text on the label is:

САДОКЪ
СУДЕЙ
II.

Находя всё нижеизложенные принципы цѣльно выраженными въ I-мъ «Садкѣ Судей» и выдвинувъ ранѣе пресловутыхъ и богатыхъ, лишь въ смыслѣ Метцль и К^о, футуристовъ,—**мы** тѣмъ не менѣе считаемъ этотъ путь нами пройденнымъ и оставляя разработку его тѣмъ, у кого нѣтъ болѣе новыхъ задачъ, пользуемся нѣкоторой формой правописанія, чтобы сосредоточить общее вниманіе на уже новыхъ открывающихся передъ нами заданіяхъ.

Мы выдвинули впервые новые принципы творчества, кои намъ ясны въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Мы перестали разсматривать словопостроеніе и словопроизношеніе по грамматическимъ правиламъ, ставъ видѣть въ буквахъ лишь направляющія рѣчи. Мы расшатали синтаксисъ.
2. Мы стали придавать содержаніе словамъ по ихъ начертательной и фонической характеристикѣ.
3. Нами осознана роль приставокъ и суффиксовъ.
4. Во имя свободы личнаго случая мы отрицаемъ правописаніе.
5. Мы характеризуемъ существительныя не только прилагательными (какъ дѣлали главнымъ образомъ до насъ), но и другими частями рѣчи также отдѣльными буквами и числами:
  - а) считая частью неотдѣлимой произведенія его помарки и виньетки творческаго ожиданія.
  - в) въ почеркѣ полагая составляющую поэтическаго импульса.
  - с) въ Москвѣ поэтому нами выпущены книги (автографовъ) «само-письма».

6. Нами уничтожены знаки препинанія,—чѣмъ роль словесной массы—выдвинута впервые и осознана.

7. Гласныя мы понимаемъ какъ время и пространство (характеръ устремленія) согласныя,—краска, звукъ, запахъ.

8. Нами сокрушены ритмы. Хлѣбниковъ выдвинулъ поэтической размѣръ—живого разговорнаго слова. Мы перестали искать размѣры въ учебникахъ—всякое движеніе—рождаетъ новый свободный ритмъ поэту.

9. Передняя риѐма—(Давидъ Бурлюкъ) средняя, обратная риѐмы (Маяковский) разработаны нами.

10. Богатство словаря поэта—его оправданіе.

11. Мы считаемъ слово творцомъ мѣа, слово, умирая, рождаетъ мѣа и наоборотъ.

12. Мы во власти новыхъ темъ: ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности—воспѣты нами.

13. Мы презираемъ славу; намъ извѣстны чувства, не жившія до насъ.

Мы новые люди новой жизни.

Давидъ Бурлюкъ, Елена Гуро, Николай Бурлюкъ, Владимиръ Маяковский, Екатерина Низенъ, Викторъ Хлѣбниковъ, Бенедиктъ Лившицъ, А. Крученыхъ.

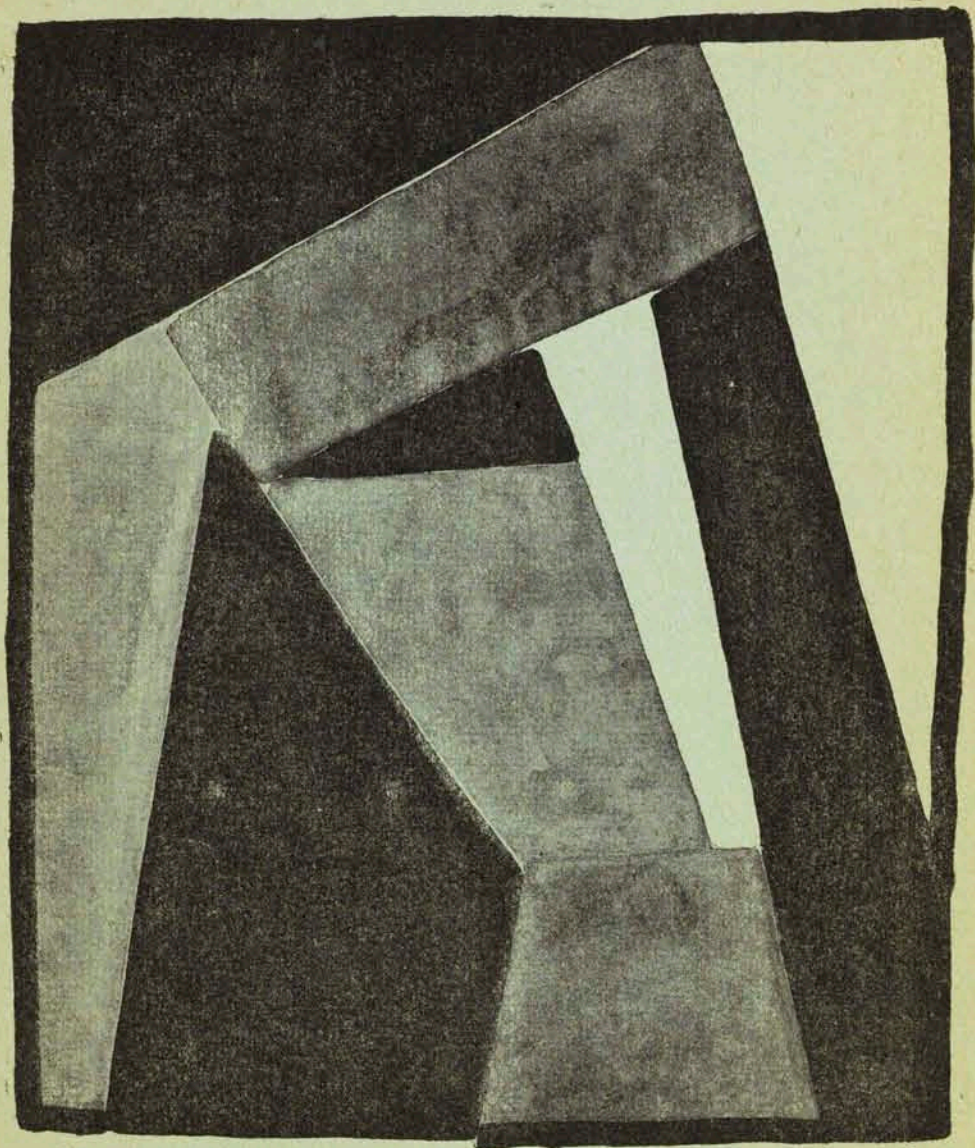
СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1
Бенедиктъ Лившицъ	5
Викторъ Хлѣбниковъ	10
Давидъ Бурлюкъ	44
Николай Бурлюкъ	54
Владиміръ Маяковский	62
Александръ Крученыхъ	63
Елена Гуро	67
Екатерина Низенъ	102
Милица (Дѣтск. творч.)	106

Рисунки. Владиміра Бурлюка 2
Наталіи Гончаровой 2.
Михаила Ларіонова 2.
Давида Бурлюка 3.
Елены Гуро 6.

Владимиръ Бурлюкъ.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

АКРОСТИХЪ.

А. В. Вертеръ-Жуковой.

Вашъ трубадуръ—крикунъ, вашъ вѣрный путь—повѣса
(Ахъ, пестрота измѣнъ—что пестрота колѣнъ!)
Вашъ тигръ, сломавши клятву, бѣжалъ въ глубины лѣса,
Единственный вашъ рабъ—арапъ—клянеть свой плѣнъ.

Разувѣренія?—нашептыванья бѣса!
Тревожныя крыла—и въ лиліяхъ явленъ
Едва замѣтный крестъ... О узкая принцесса,
Разгнѣванная мной, вы золотѣй Маленъ:

Желтели небеса и умолкали травы,
Утѣло, можетъ быть, впервые для меня,
Когда я увидаль—о свѣжія оправы

Очнувшихся деревь! о златовѣстие дня!—
Вашъ флорентійскій плащъ, летящій къ небосклону,
Аграфъ трехлилійный и тонкую корону.

Ворзель, іюнь 1912.

ФОРЛИ

Ей же.

За рубежомъ — теченье ясныхъ латъ:
Склонись въ затонъ, живой одними нами...
Надолго ли мы включены въ закатъ
И тонкими владѣемъ именами?

Надолго ли? — о нѣтъ, окаменѣй,
Во мраморѣ зарозовѣй надъ міромъ
Плывущихъ словъ и вѣроломныхъ дней,
Опоена закатнымъ элексиромъ!

Ты улыбнулась: мы обручены
До перваго жемчужнаго укола:
Разводы влаги — кольца тишины,
И облако — твоя романьюола.

СОСѢДИ

Ей же.

Въ сиреновомъ лѣтѣ, въ сиреновомъ дымѣ —
Я вижу! я вижу! — сосѣди
(Въ просвѣтѣ прошедшая леди
Была въ діадемѣ)
Возносятся бокалы,
Но я ли, усталый
Отъ этой расплаты,
Приму ихъ увядшія крылья,
Ихъ длинныя — длинныя крылья,
И каждый горбатый
Языкъ воскового вина?
Я знаю, что каждая леди
Уже въ діадемѣ:
Ей снится: въ сиреновомъ дымѣ
Она возносится должна.
И мнѣ ли — сухія копытца
По лѣстницѣ? Мальчикъ глядится
Въ таблицу изъ мѣди,
Коричневый, широкоскулый,
Въ измятомъ вѣнкѣ бересклета:
Какъ плещется круглое пламя!
Какъ множатся трубные гулы
Иного, широкаго лѣта!
Но никнуть все ниже крылами
Сосѣди — и только одна,
Высокая, въ узкой одеждѣ,
Рукой, удлинившейся въ стебель,
Рукой, расцвѣтающей въ небѣ,
Возносить, какъ прежде, какъ прежде,
Бокаль воскового вина!

СЕНТЯБРЬ.

Александръ Экстеръ.

Воспоминанья столькихъ маевъ,
(Мы жили маями!)
Кольцо твоихъ послѣднихъ усть,
(Не будетъ этихъ легкихъ усть!)
Онѣ уйдутъ съ лица, растаявъ,
(Онѣ уже почти растаяли!)
О золото сентябрьскихъ уздъ,
Невѣрныхъ уздъ!
Предательскій сентябрь! Нефритомъ
Волнуется мое окно
И каменѣть недопитымъ—
Въ стаканахъ—тяжкое вино.
И все настойчивѣй и пристальнѣй
Мечи вина,
Тяжелые мечи вина,
И пристальнѣй изъ-за окна
Встревоженные мачты пристаней.
— Ахъ, я должна...
— Останься, сжался!...
Волна окна...
Волна нефритоваго вальса...
Унесена... унесена ты
Нефритовымъ виномъ окна...
Сентябрь проклятый!

БЫКЪ.

Отбѣжали... Вышелъ чинно.
Жмешь мнѣ руку, не любя:
Сколько розовыхъ снѣжинокъ
На ладони у тебя!

Тѣ четыре—словно крысы.
Вотъ и красный. Ждетъ съ копьемъ.
Есть еще? Ну что же, насыпь...
Дальнѣй запахъ раны пьемъ.

Это въ шутку, иль опасно?
Замираютъ вѣра...
Онъ за краснымъ! онъ за краснымъ!
Браво, браво, браво, бра...

А!..

СТЕПЬ.

Раскруживайся въ асфодели,
Въ рябья сонмища галчать.
По пеленѣ твоей звучать
Упорныя виолончели.

И луковицы взаперти
Забудь тепличными цвѣтами.
Вздыбься щербатыми крестами
На поворотъ расцвѣти.

В. ХЛѢБНИКОВЪ.

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ.

I.

«Мы Боги» мрачно жрецъ сказалъ,
И на далекіе чертоги
Рукою сонно указалъ.
Холоднымъ скрежетомъ пилы
Распались трупы на суставы.
И мною взнuzданы орлы
Взять въ клювы звѣздные уставы.
Давно звѣрь, сильный надъ косулей
Сталъ безъ власти божествомъ.
Давно не бьемъ о землю лбомъ,
Увидя рощу или улей.
Походы мрачные пѣхотъ,
Копьемъ убійство короля,
Послушны числамъ какъ заходъ,
Дождь звѣздъ и синія поля.
Года войны, ковры чумъ,
Сложилъ и вычелъ я въ умъ.
И, уваженіе къ числу
Растетъ, ручьи ведя къ руслу.
Въ его холодные чертоги
Идутъ изгнанницы тревоги.
И мы стоимъ міровъ двухъ между
Несемъ туда огнемъ надежду
Все же самозванцемъ поцѣлуйнымъ
Передъ восшествіемъ чумы
Былъ названъ вѣкъ разсудкомъ буйнымъ
Смѣется шутъ, молчатъ умы.

Наукой гордые потомки
Забыли кладбищей обломки.
И пусть намъ поступь четверенекъ
Давно забыта и чужда
Но я законовъ неба плѣнникъ
Я самому себѣ измѣнникъ
Отсюда смута и вражда
Вѣнкомъ божествъ нашъ умъ вѣнчается,
Но, кто въ надеждахъ жилъ, отчаеся
Ты — звѣздный рабъ,
Родъ человѣческій!
Сказалъ, не слабъ,
Разсудокъ жреческій.
И юность и отроки наши
Пьютъ жизнь изъ отравленной чаши.
Съ петлею протянутой столбъ
И бѣгство въ смерти юныхъ толпъ.
Все громче неистовѣй возгласы похоти,
Въ словесномъ мерцающемъ хохотѣ.
О каменный ножъ
Каменныхъ доскъ
— Пламенный мозгъ,
— То молодежь!
Трудился я,
Но не у оконченнаго зданія
Бросаю свой желѣзный ломъ!
Туда, къ престолу мірозданія.
Хочу летѣть вдвоемъ съ орломъ!
Чтобы склонивъ чело у ногъ,
Сказать: усталъ и изнемогъ!
Пусть сиротѣтъ борода,
Жреца прійми къ себѣ звѣзда.

II.

Рабыня. Юноша свѣтель
 Небо замѣтилъ.
 Онъ замѣтилъ тихъ и весель
 Звѣзды истины на мнѣ.
 Кошелекъ тугой привѣсилъ
 Дикій стройный на ремнѣ.
 Къ кошельку привѣсилъ ножикъ.
 Чтобъ застѣнчиво и впредь
 Съ нимъ веселыхъ босоножекъ
 Радость частую смотрѣть
 Съ нимъ пройдуся я, скача,
 Рукавомъ лицо ударивъ
 Для усмѣшки отроча
 Для веселыхъ въ сердцѣ заревъ.
 Жрецъ. Косы властны чернотой,
 Взоръ въ рѣсницѣ голубой
 Кругъ блистаетъ золотой,
 Локоть взявъ двойной длиной.
 Кто ты?
 Съ взоромъ незабудки.
 Жизнь съ тобой шутила шутки.
 Рабыня. Твои остроты,
 Жрецъ, забавны.
 Ты и я, мы оба равны.
 Двѣ священной единицы
 Мы враждующія части.
 Двѣ враждующія дробы.
 Во взорахъ разныя зѣнницы.
 Двѣ какъ мѣръ старинныя власти,
 Беремъ жезль и правимъ обѣ.

Ты возникъ изъ темноты,
 Но я болѣе чѣмъ ты:
 Любезнымъ сдѣлавъ ядъ у ртовъ,
 Ты къ гробамъ бросилъ мость цвѣтовъ.
 Къ чему товарищъ въ часъ рѣзни?
 Жрецъ. Поостерегися.. не дразни..
 Зачѣмъ смѣешься и хохочешь?
 Рабыня. Хочешь?
 Стань палачемъ,
 Убей меня, ударь мечемъ?
 Рука подняться не дерзаетъ?
 На части тотчасъ растерзаетъ
 Тебя рука дѣтей, внучатъ,
 На плечи, руки и куски.
 И кони дикіе умчатъ
 Твой трупъ разодранный въ пески.
 И, воронимъ тѣмъ табуномъ
 Богиня смерти, гикнувъ, править.
 И трупъ, растоптанъ скакуномъ,
 Глазами землю окровавить.
 Вѣдай знай: самъ Богъ земной
 Схватить бѣшено копые
 И за честь мою заступится.
 Ты смѣешься надо мной,
 Я созвучіе твое
 Но убійцы лезвее,
 Наказаніе мое,
 Цѣной страшною окупится.
 Узнаеть городъ ста святомъ,
 Предъ чѣмъ чума есть только грошъ.
 Замажешь кровью птичьи гнѣзда,
 И стануть макомъ все цвѣты.

И молвятъ люди, скажутъ звѣзды,
Быль справедливо каранъ ты.
Слѣдъ протянется багровый
То законъ вещей суровый
Узнай, что вѣра — нищета,
Когда стою иль я, иль та.
Ты, дыханіе чумы,
Веселишь рабынь умы!
Съ нимъ же вмѣстѣ презираю
Путь къ обѣщанному раю
Ты хочешь крови и похмѣлій!
Рабыня я ночныхъ веселій!

Жрецъ. Довольно,
Лживыя уста!

Рабыня. Мнѣ больно, больно!
Я умираю, я чиста.

Жрецъ. Она красива умерла
Внутри волосъ златыхъ узла.
И какъ умершая змѣя
Дрожать рѣсницы у нея.
Ея окончена стезя.
Она мечемъ убита грубымъ.
Ни жить, ни пѣть уже нельзя.
Плясать, къ чужимъ касаться губамъ.
Мечъ сталъ сытымъ кровью сладкой,
Полоумной святотатки
Умирающей загадкой
Ткань вопросовъ стала краткой.
Послушный рабъ ненужнаго усилія!
Сложи, о коршунъ, злыя крылья!
Иди же въ ножны, ты не нуженъ.
Тебя насытилъ теплый ужинъ,

Напился крови до пьяна.
Убита та,
Но гдѣ она?
Быть можетъ мести страшный храмъ?
Быть можетъ здѣсь, быть можетъ тамъ?
Своихъ обидъ не отомстила.
И, умирая не простила.
Не такъ ли разумъ, умерщвляетъ,
Верша властительный законъ,
Побѣги страсти молодой?
Та умирая, обѣщаетъ
Взойти на страшный небосклонъ
Возмездья красною звѣздой!

III.

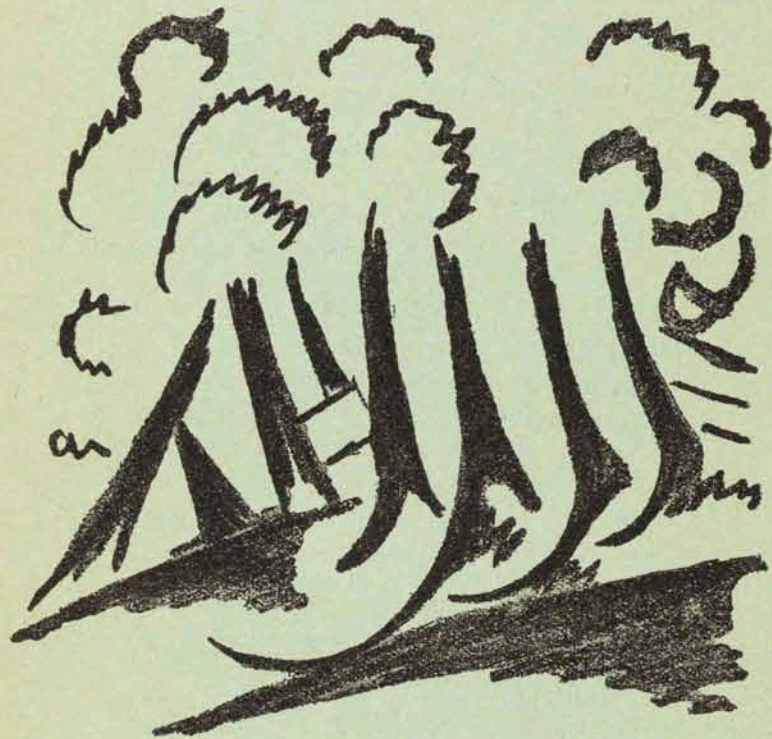
Прохожій. Точно кровь главы порожней
Волны хлещутъ, волны воютъ
Нынче громче и тревожнѣй.
Скоро пристань воды скроютъ
И хаты, крытыя соломой,
Не разъ унесъ могучій валъ.
Свирѣльщикъ такъ, давно знакомый,
Мнѣ ужасъ гибели игралъ.
Какъ будто нѣдра раскаленные
Жерлъ огнедышащей горы,
Идутъ на насъ валы зеленые
Какъ люди вольны и храбры.
Не какъ прощальное привѣтствіе,
Не какъ сердечное «прости»,
Но какъ военный кличъ и бѣдствіе
Залились водами пути.

Костры горять сторожевые
На всѣхъ священныхъ площадяхъ
И вижу, ѣдутъ часовые
На чолнахъ, лодкахъ и коняхъ.
Кто безумно, кто жестоко
Вызвалъ твой, о море, гнѣвъ?
Видно мнѣ чело пророка,
Молній брошенный посѣвъ
Кто то въ полночь хмурить брови
Чей то мечъ блеснулъ, упавъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ? Ужель скупъ къ крови
Градъ самоубійства и купавъ?
Виситъ—надѣяться не смѣемъ мы
Межъ тучъ прекрасная глава.
Покрыта трепетными змѣями
Сурова точно жернова.
Смутна, жестока, величава
Плыветъ глава, несетъ лицо.
Въ вѣнкѣ темныхъ змѣй курчаво,
Восковое змѣй яйцо.
Союзъ праха и лица
Разрубилъ ударъ жестокий
И въ обитель палача
Мрачно ринулись потоки.
Народъ свой ужасъ величающій,
Пучины ревъ и звукъ серчающій
И звѣзды тихіе свидѣтели
Гробницы зла и добродѣтели.
Городъ гибнетъ. Люди съ нимъ.
Суша—дно. Послѣднихъ вѣсть.
Море съ полчищемъ своимъ
Все грозитъ въ безумствѣ снести.

И вотъ плыветъ между созвѣздій
Болнуясь черными ужами,
Лицо отмщенья и возмездій,
Глава отрублена ножами.
Нѣжный обликъ-восковой
Въ змѣй одеждѣ боковой
На лезвѣ лежитъ ножа
Клянусь, прекрасная глава
Она глядитъ, она жива,
Свирѣль морского мятежа.
На лезвѣ ножа лежатъ
Въ преддверьѣ судебъ рубежа
Глазами тайными дрожа,
Гдѣ тучъ и облака межа
Она пучины мести вождь.
Кровавыхъ капель льется дождь.
О призракъ прелести во тьмѣ!
Царица, равная чумѣ!
Ты жила липенной чести,
Нынѣ ты богиня мести.
О ты тяжелая змѣя
Надъ хрупкимъ образомъ ея.
Отмщенья страшная печать
И ноженъ мести рукоять.
Змѣй снопъ, глава окрававленная
Бездна мести ея зеленая
Подъ удары мѣрной гребли
Погибаетъ людъ живой.
И ужей вздыбились стебли
Надъ висячею главой.
О городъ, гибель созерцающій,
Какъ на бойняхъ вошь, спокойно.

Валы гремятъ, какъ мечъ бряцающій
Свирѣли ужаса достойно.
Погубять прежнія утѣхи
Моря синіе доспѣхи.
Блескъ, хлещетъ ливень, свищетъ градъ
И тонетъ, гибнетъ старый градъ,
Она прической змѣй колышитъ
Она возмездья ядомъ дышитъ
И тотъ, кто слушалъ, слово слышитъ
«Я жреца мечемъ разрублена
Тайна жизни имъ погублена,
Тайной гибели я вѣю
У созвѣзды Водолея
Мы рѣзвились и пѣли
Вдругъ ударъ меча жреца!
Вы живыми быть сумѣли
Схоронивъ красу лица.
И забыли тѣ, кто вы были!
Нынѣ вы въ преддверьи гибели.
Какъ вы смѣли, какъ могли вы
Быть безумными и живы!
Кто вы? что вы? вы здоровы!
Стары прежнія основы.
Прежде обликъ восхищенія,
Нынѣ я богиня мщенія.»
Вверху ужей желѣзныхъ снопъ,
Внизу идетъ, реветъ потоцъ.
Ужасенъ вѣтеръ боевой,
Валы несутся, все губя.
Жрецъ съ опущенной головой,
«Я зналъ тебя!»

Конецъ.

Наданаіъ Тонгарова . Лгсб .

ПЕРЕВЕРТЕПЬ.

(Кукся кумъ мужъ и сукъ).

Кони, топоть, инокъ
Но не речъ, а черень онъ
Идемъ молодъ, доломъ меди
Чинъ званъ мечемъ навзничъ.
Голодъ чѣмъ мечъ дологъ?
Паль а норовъ худъ и духъ ворона лапъ.
А что? я ловъ? Воля отча!

Ядъ, ядъ, дядя!

Иди, иди!

Морозъ въ узель, дѣзу взоромъ.
Соловъ, зовъ, возъ волосъ
Колесо. Жалко поклажъ. Оселокъ.
Сани плотъ и возъ зовъ и толцъ и насъ
Гордъдохъ, ходъ дрогъ.
И лежу. Ужели?
Золь голь логъ лозъ
И къ вамъ и тремъ съ
Смерти Мавки.

* * *

Помираль морень, моримый морицей
Вѣренъ въ вѣримое вѣрицы.
Умираль въ морильяхъ морень
Вѣренъ въ вѣроча вѣрни.
Обмираль морѣя морень.
Вѣренъ вѣритвамъ Вѣраны
Приобмеръ моряжески морень
Вѣренъ вѣрови вѣрязя.

МАРІА ВЕЧОРА.

Выступы замокъ простеръ
Въ синюю неба пустыню.
Холодный востока костеръ
Утра встрѣчаетъ богиню.
И тогда-то
Звукъ раздался отъ подковъ.
Бѣлъ какъ хата
Мѣсяць сотень облаковъ
Лаву видитъ сѣдоковъ.
И одинъ изъ нихъ широко
Ношей бѣлою взмахнулъ.
И въ его ночное око
Самъ таинственный разгулъ.
Заглянулъ, изъ-за мѣла бѣлыхъ скулъ.
Не святые, не святоши
Въ поздній часъ несемся мы,
Такъ зачѣмъ чураться ноши
Въ часъ царицы воплей тьмы!
Пусть блестяще чѣмъ свѣтъ
Два блистаютъ черныхъ глаза
Въ нихъ источники всѣхъ бѣдъ,
Въ нихъ чумы очагъ, зараза.
Смѣлой все же молодежи
Нѣтъ укора, нѣтъ отказа!
Здравствуй черные два глаза!..
Ужь! по твердой мостовой,
Идутъ замыленные кони.
И опять взмахнулъ живой
Ношей мчащійся погони.

И кони устало зѣваютъ замученны.
Шатаются конскія стати.
Усы золотые закручены
Вождя веселящейся знати.
И вящей породѣ поспѣшная дань
Ворота раскрылися настезь.
„Раскройся, раскройся чудесная ткань!
Находку волшебную застишь!
Въ рукахъ моихъ дремлетъ прекрасная лань!
О эти рѣчи огневая
Ручья ночного сонныхъ взоровъ!
И этотъ снѣгъ и пепель выи,
Узницы бѣлой кружевъ узоровъ.
Лѣсной и дикой кошки норовъ.
И преодолевая странный страхъ,
По широкой взбѣгаетъ онъ лѣстницѣ.
И прячется самъ въ волосахъ
Молчащей чудесницы
Въ холодномъ сумракѣ покоя
Гдѣ окружили столъ скамьи
Узнаю я, судьба какое
Даетъ веселіе семьи“
И тѣ отвѣчаютъ съ весельемъ
„Жестокою правду ты молвилъ и дѣло.
Друженъ уродъ съ подземельемъ.
И входитъ дворца госпожою красивое тѣло,
Сжигая безумно года.
Такъ было, такъ будетъ всегда“.
„Короткіе четверть часа
Пробуду я наединѣ.
Узнаю, идетъ ли кудрей тѣхъ краса
Къ ранней главы сѣдинѣ.

Нѣтъ, ведро на коромыслѣ
Не коснулося плеча.
Кудри длинныя повисли
Точно звуки скрипача.
И залогъ для восхищенья
Чудень, нѣмъ, закрывъ глаза.
О добыча похищенья,
Тяжкій мечъ и стрекоза“.
И тѣ засмѣялися дружно.
Качаются старою стрѣлкой часы.
Но страхъ вдругъ приходитъ. Но все же наружно
Товарищи крутятъ, что копыя, усы.
Охоты прибѣжища—замка
Богинѣ равна домочадка.
Но знаемъ, но знаемъ, загадка—
Кудрей златонѣжная рамка.
И пышные ходятъ стаканы
Виномъ веселя ихъ досуги
Одѣтые въ племъ и колчуги
Смотрѣли на нихъ великаны.
Но что это? жалобный стонъ и взволнованный говоръ
И тѣла упавшаго шумъ позже стука.
Весь дрожа убѣгаетъ въ молчаніи поваръ
И прочь удалился не выронивъ звука.
И мчатся толпою, недоброе чуя,
До двери высокой, дубовой и темной,
И плачетъ товарищъ ключъ въ скважину суя
Суровый веселый огромный.
На битву бѣгутъ они къ женственнымъ чарамъ
И дверь отворилась подъ тяжскимъ ударомъ
Со скрипомъ, какъ будто куда то летя
Грустящее молить и плачетъ дитя.

Гдѣ ткань нависала изъ дуба рѣзная
Бросился первый боецъ рукопашной
И тотчасъ же замеръ, недоброе зная
Здѣсь замеръ онъ грозный и страшный.
Два или три черезъ мига
Прежнихъ предчувствій раскроется книга.
Но зачѣмъ въ ихъ рукахъ заблестали клинки?
Шашекъ лезвевя блещутъ изъ каждой руки.
На полу какъ уснувшій лежитъ общій другъ
И на полъ стекаютъ изъ крови озера.
А въ углу близъ стѣны вся упрекъ и испугъ
Марія Вечора.

„ХОВУНЪ“.

И всенѣя ховунъ вылетѣлъ въ трубу и, повселенновавъ, опять влетѣлъ въ избенку. И мы лишь всенѣя всенѣющей воли, волерукаго дикана. И бѣлязи были скорбновласы и смѣхо ноги. И небнядинное голубьмо за ними сіяло, сіючее, неуставающее.

И волязь стать красочимъ учился у лѣшихъ блестя въглядовой, лѣсной, дикой нечеловѣческой. И смѣхорукое длилось молчаніе.

И веселовница нудныхъ роцъ радостноперыми взмахнула грустильями. И скорбунъ по вотчинамъ Всенязя качался въ петлѣ. И грезогъ-нѣмогъ полонъ былъ тихихъ ликовъ. И соноги мечтоги вставали въ мгловыхъ просторахъ. И то о чемъ я пишу, лишь грезьмо грезюги.

Но сонногрезійцы прекрасны и въ небесовой мглѣ.
Небесатый своей думой я утихомирился и легъ спокойно спать.

И былъ скорбенъ незамѣтный ликъ. И убѣгаетъ умиравый въ сонъ.

И вселенаты были косицы за устами и волкъ днеперстный пришель и не миннулъ: не стало бѣдночей чтыня луковежская.

И соннежъ и соннежъ и всатый замысломъ и всокій господинъ читака чтой читокъ чтоище перечетчикъ почетчикъ читомое и ничтожина и всеянинъ и всень и веснь и всявый усъ и ничтовая бровь и всяный голосъ и всовникъ и ничтожево и ничтовъ и ничтое ничтимъ ничтей и ничтакъ ничтва вселенѣль ничтыня и лукавда красавда ничтецъ ничтимка всеото ничтота ничтовенство всеележча меня и была смерть читка чтыка весьтедь везда вседа ничтимень.

И соногъ-мечтогъ былъ нами читьбище читьба, читва читать, лъ читежъ читажа, читязь читьмо читавица.

И малочей звенѣлъ смѣхомъ и мальни лежали на брегѣ и малыши звенѣла вершинами и малокъ вселенѣлъ. Такъ, звукатая временѣль ясными струилась завитками съ дѣдиканова плеча.

И дѣвиня страдалая взорами взметнула озаренными крыльями. Красотѣй-же засмѣялся.

И были глубинны синіе взоры и сіялъ змѣй.

И, возрываая руками мыслоку, радостная вышла на берегъ дѣва, сіяя устами и тѣломъ. И нагочей смѣялись.

Въ смѣхотянкомъ, въ смѣхотовомъ вѣнкѣ ликѣ, были два озера грустинъ и смѣхотучіе заревья уста.

Нѣгѣй кинулъ вѣнокъ, но кто его поднялъ?...

И Вселеномѣрь зыбилъ, звучалъ студными вѣтками.

О Слово вай! припадите къ землѣ, какъ земичи!

Въ молчановомъ ручьѣ Омойте пыльные ноги.

И яроба народоструйныхъ водъ и весеннекликій юнежь и вселеннокликъ и лиромигъ и безумвянныя дебри нѣдучихъ ростъ.

* * *

И въ бѣломъ мѣсяцовомъ ликѣ холодные враждунные глаза: оголяя локти и небомойки изъ хмаровыхъ корытъ опрокидывали, лили воду. На хмаровыхъ лети-полетай копытцахъ рѣзвилось смѣшунъ-дитя.

И смѣхчія выползали дѣти изъ вѣчностью спаленки и вѣчность каутанный былъ мужъ и пожаро-кудряя личики.

И дыхчія полымемъ змѣи и косматыя міристыя гласомъ дива и постепенно міренѣло утихающее тихвой величія слово: я! и тонуло въ нѣмичіи. И краснево въ золотучемъ, не ясномъ полѣ и красной мыслими и кудрями. И пыхчія снопами радляваю и радостнаго золота голубочешуйныя утра. И вольва и волва волнистой и вольной нивы воль. И жнецъ нивы.

И летуницы сладко и ладкогласныя. И вопросъ имъ людища тьма-темь—власаго: кто вы? и отвѣтъ: сладкоперыя.

И желаніе шерстный песь лютой злой. И звена звенять серебряной необходимостью. Неоградимое воль.

И бояйца голубева какъ зла силъ. И земѣ зема его ликъ.

И бѣдища злостоперыя. И молчанные дворцы и за «а»—рцы.

И вѣчниканша верременная собой времовымъ ростомъ.

И баймо баянной звучали и звучалъ нѣмотострунная, о! замолкнетъ она, когда струны порвутся руками чужими.

И надѣло землявый плащъ небо и старичіе голубосѣдыхъ стариковскихъ волосъ и ясавецъ мысли ясной срѣзаетъ думѣль и летятъ нѣчистѣли мыслоковыхъ осокъ и поють-поють: умиравежь милый; умри;

О, счастье клювая и ты, черно-глазая, легкая-легкая по кустамъ и древамъ порхалица! птичка приди, приди! О желтучія уста нѣмвянокъ молчановыхъ сѣротѣлыхъ сироть.

Молчанъ и лебеди грустливо-грустные не никлые ли цвѣты шея и слухока и молвнякъ по дикимъ брегамъ глаголокаменнымъ.

И моля лебеда смерти: приди бѣлошейная;

И языкъ—звукомыя числа без старичіе.

Сѣрый

сѣно

вѣкъ

вѣра.

СУТЕМКИ, СУВЕЧЕРЪ.

Зазовъ.

Зазовъ маннсти тайнъ.

Зазовъ обманной печали.

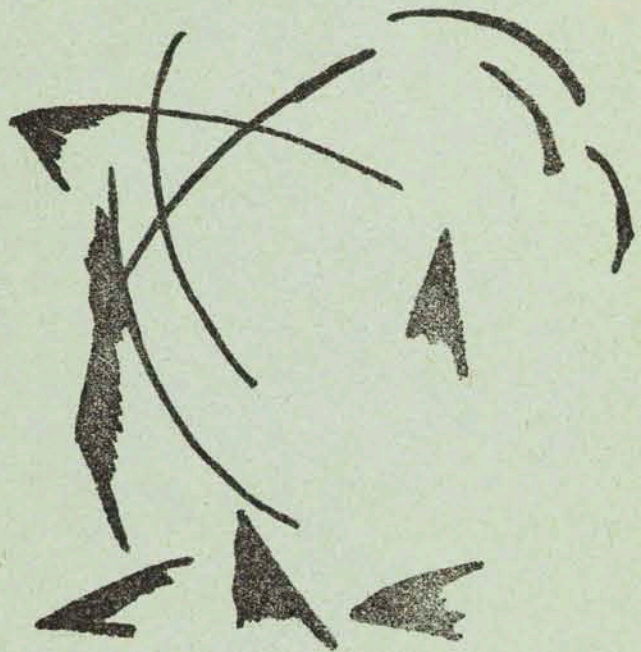
Зазовъ уманной устали.

Зазовъ сипкихъ тростниковъ.

Зазовъ зыбкихъ облаковъ.

Зазовъ водностныхъ тайнъ

Зазовъ.

Мичал м. стариковъ

*Портрет
Японской
артистки
Токако*

ШАМАНЪ и ВЕНЕРА.

Шамана встрѣча и Венеры
Была такъ кратка и ясна:
Она вошла во входъ пещеры,
Порывамъ радости весна.
Въ ея глазахъ свѣтла отвага
И страсти гордый гнѣвный зной:
Она предъ нимъ стояла нага
Блестя роскошной пеленой.
Казалось пламенный пожаръ
Ниспалъ касаясь древка снѣга.
Глазъ голубыхъ блестяль стожаръ,
Прося у желтаго ночлега.
«Монголь!» свои надувши губки
Такъ дѣва страсти начала.
(Мысль рождена изъ длинной трубки
Проводить борозды чела)
«Ты старъ и блѣдень, желтъ и смуголь,
Я-же роскошная рѣка!
Въ пещерѣ дикой дай мнѣ уголь,
Молю сѣдого старика.
Я, равная богинямъ,
Здѣсь проведу два-три денька.
Послушай, рухлядь отодвинемъ,
Чтобъ сѣсть двоимъ у огонька.
Ты вѣришь?—видишь?—снѣгъ и вьюга!
А я, владычица царей,
Ищу покрова и досуга
Среди сибирскихъ дикарей.
Еще того не доставало
Покрыться пятнами угрей.

Монголь! Монголь! какъ я страдала!
Возьми меня къ себѣ, согрѣй!
Покрыта пепломъ изъ снѣжинокъ
И распутивъ вдоль рукъ косу,
Она къ нему вошла. Какъ инокъ
Онъ жилъ одинъ въ глухомъ лѣсу.
Когда-то храмы для меня
Прилежно воздвигала Греція.
Монголь, твой миръ обременя,
Могу ли у тебя согрѣться я?
Меня забылъ ваять художникъ.
Мной не клянется больше витязь.
Народъ безумецъ, народъ безбожникъ,
Куда идете, оглянитесь?»
— «Не такъ ужъ мрачно».
Отвѣтилъ ей, куря, шаманъ.
Озябли вы и неудачно
Былъ съ кѣмъ нибудь романъ.
«Подумай самъ: ужъ перси эти
Не трогаютъ никого на свѣтѣ.
Онѣ полны млека, какъ крынки.
(По щекамъ катятся слезинки)
И къ красотѣ вотъ этой выи
Холодны юноши живые.
Ни юношей, ни полководцевъ,
Ни женъ любимцевъ, ни уродцевъ,
Ни утомленныхъ стариковъ,
Ни въ косовороткахъ дураковъ
Они когда-то увлекали
Народы, царства и престолы,
А нынѣ, кроткія въ опалѣ,
Томятся спрятанныя въ полы.

И вѣришь-ли? меня заставили одѣть
Вотъ эти незабудки,
Ну, право, лучше умереть,
Чѣмъ эти шутки.
— Это жестоко». Она отошла
И, руки протянувъ, вздохнула.
«Какъ эта жизнь пошла!»
И руки къ небу протянула.
«Все, все, монголь, все, все—тщета.
Все—дѣти низкихъ вервий.
И лики дѣвы—нищета
Когда на ней пируютъ черви!»
Шаманъ не вѣрилъ и смотрѣлъ,
Какъ дѣва (золото и мѣль)
Присѣла, зарыдавъ,
И рѣчь повель, сказавъ:
«Напрасно вы сѣли на обрубокъ
Онъ опарапаетъ васъ».
Беретъ съ стола красивый кубокъ
И, пьетъ задумчивъ русскій квасъ.
Онъ замолчалъ и тихъ курилъ,
Смотря въ вечернее пространство.
Любилъ убраться, что говорилъ,
Онъ въ равнодушія убранство.
И Дѣва нѣжное спасибо
Ему таинственно лепечетъ.
И глаза синяго изгиба
Взоръ паловливо мечетъ
И смотреть томно, ибо!
Онъ былъ красивъ какъ бѣлый кречетъ.
Часы летѣли и бѣжали
Они въ пещерѣ были двое.

И тѣни блѣдныя дрожали
Вокругъ вечерняго покоя.
Шаманъ молчалъ и вдаль глядѣлъ.
Венера вдругъ зѣвнула,
Въ огонь шаманъ глядѣлъ.
Венера же уснула.
Завѣты строгія храня
Долга къ пришелицамъ святого,
Моголь сидѣлъ, ей извиня,
Изгибы тѣла молодого.
Ахъ, ахъ!—она во снѣ вдыхала,
Порою глазки открывала,
Кого-то слабо умоляла,
Защитой руку подымая,
Кому-то нѣжно позволяла
И улыбалася младая.
И вотъ ужъ утро. Прокричали
На еляхъ блѣдныя дрозды.
Полна сомнѣній и печали
Она на смутный ликъ звѣзды
Взирала робко и порой
О чемъ-то тихо лепетала
Про—что-то тихо напѣвала.
Блѣднѣло небо и свѣтало.
Всходило солнце. За горой
О чемъ-то роца лепетала.
Отъ сна природа пробудилась
Младой зари поднявъ персты.
Венера точно застыдилась
Своей полночной наготы.
И добродѣтели стезей идя неопытной ногой,
Она раздумывала прилично-ли нагой

Явиться къ незнакомому мужчинѣ.
Но былъ сокрытъ отвѣтъ богини.
Такъ дѣвы сонъ лелѣя хрупкій
Моголь сидѣлъ съ своею трубкой.
И дѣва затаивъ глаголь
Моголу бросила взоръ выси.
Отъ косъ затылокъ оголивъ,
Одна безъ помощи подругъ,
Она закручиваетъ ихъ въ кругъ.
Моголь какъ раньше молчаливъ.
Затылокъ бѣлый такъ прекрасенъ
Для чистыхъ юношей такъ ясенъ.
Но лицемѣрія престоль
Сидитъ задумчивый моголь.
Венера ходитъ по пещерѣ
И въ горести ломаетъ руки.
«Это какіе то звѣри!
Гдѣ пѣсень нѣжныхъ звуки?
Отъ поцѣлуевъ прежнихъ зноя,
Моголь! моголь, спаси меня!
Я вся горю! горя иноя
Живу, въ огнистый бубень чувствъ звеня.
Узнай же! знаешь, что тебѣ шепну на ухо?
Ты знаешь? знаешь?—я старуха!...
Никто не пишетъ нѣжныхъ писемъ,
Никто на встрѣчу синимъ высямъ
Влюбленныхъ глазъ ужъ не подѣмлетъ,
Но всякій хладно съ книжкой дремлетъ.»—
«Какъ все это жестоко!»
Сказала дѣва, вдругъ заплакавъ
«Скажи хоть ты: ужель съ востока
Идетъ вражда къ постелямъ браковъ?»

Съ хладомъ могилы отрокъ одинаковъ.
Но неразговорчивъ и сердитъ
Какъ будто тотъ сидитъ.
Напрасно съ ранняго утра
Раньше многолосыхъ утра дудокъ
Но всякій хладно убѣгаетъ
Прочь отъ себя за свой порогъ
Лишь только сердце настагаетъ
Любви назначенный урокъ
Къ ногамъ снѣговъ къ вѣнкамъ изъ маковъ?
Она изъ синихъ незабудокъ
Въ искусствѣ нравиться хитра
Сплела вѣнокъ почти въ 6 сажень
И имъ обвилась для нѣжныхъ дѣлъ
По прежнему монголь сидѣлъ,
Угрюмъ, задумчивъ, важенъ.
Вдругъ сердце громче застучало.
«Моголь, послушай» такъ начала,
Она «Быть можетъ рѣчь моя чудна
И даже дика и мало прока.
Я буду здѣсь бродить одна
(Ты знаешь: я еѣдь одинока).
Срывать цвѣты въ густомъ лѣсу
Вплетать цвѣты въ свою косу.
Вдали отъ шума и борьбы
Внутри густой красивой рощи
Я буду пѣть, собирать грибы—
Искать въ лѣсу святого мощи,
Что можетъ этой жизни прощѣ?
«Изволь душа моя» отвѣтилъ
Моголь съ сіяющей улыбкой.
Я даже въ лѣсу встрѣтилъ

Дупло съ прекрасной зыбкой.»
Въ порывѣ нѣжномъ хорошѣя,
Она бросается ему на шею.
Его ласкаетъ и цѣлуетъ
Ниспали волосы какъ плащъ.
Моголь-же морщится, тоскуетъ.
Она въ тотъ мигъ была палачъ.
Она рассказываетъ ему
Про вредный плодъ куреня.
«Моголь, любезный, не кури!
Внемли рыданью моему».
Онъ же съ глазами удовольвенія
Имя произноситъ Андуря.
Шаманъ беретъ рукою бубень
И мчится въ пляскѣ круговой.
Ногами рѣзвыми стучить,
Венера скорбная молчитъ,
Или сопровождаетъ голосъ трубенъ
Дрожа звенящей тетивой.
Потомъ хватаетъ лукъ и стрѣлы
И мимо просбъ, молитвъ, моленій
Идетъ охотникъ гордый, смѣлый
Къ четъ пасущихся оленей
И онъ таинственно исчезъ
Гдѣ росъ густой зеленый лѣсъ.
Одна у ранняго костра.
Богиня скорбная сидитъ.
То грусть. И ей сестра
Она задумчиво молчитъ.
Цвѣты сплетая въ сарафанъ
Какъ бѣло синій истуканъ
Глядитъ въ не обезпокоенныя воды.

Зеркало окружающей природы.
Поетъ, хохочетъ за двоихъ.
Или достаетъ откуда-то украдкой
Самодержавія портныхъ
Новое уложеніе законовъ
И шепчетъ тихо: какъ гадко!
Или какъ безвкусно... фу, вороны!
Самъ другъ съ своею книжкой
Она прилежно шепчетъ, изучаетъ,
Воркуетъ, мѣряетъ подъ мышкой
И... не скучаетъ.
И воды послѣ переходитъ
И по полянѣ свѣтлой бродитъ,
Сплетае частые вѣнки
На косахъ солнца сѣдоки.
Венера сѣла на сосновый пенъ.
И шепчетъ робко: вѣтеръ телепень!
Одинъ лишь ты меня ласкаешь
Своею хрупкою рукой
Мнѣ одинъ не измѣняешь
Людей отринувши покой.
Лишь тебѣ бы я дарила
Сномъ насыщенный ночлеги
Двери я бы отворила,
Будь ты отрокъ, а не бѣгъ...
Будь любимый человѣкъ...
Букашки и все то, что мнѣ покорно!
Любите, любите другъ друга проворно!
Счастье не вернется никогда!
И вотъ приходитъ отъ труда,
Ему навстрѣчу выбѣгаетъ,
Его цѣлуетъ и ласкаетъ,

Беретъ оленя молодого
На части рѣжетъ и готово
Ея стряпни простое блюдо;
Сидитъ и ѣстъ ну право-же не худо!
Шаманъ-же трубку тихо куритъ.
И взоръ устало томно щуритъ.
И какъ чудесная страна
Пещера въ травы убрана.
Однажды бѣлый лебедь
Спустился съ синей высоты
Крыло погибшее колеблетъ
И умирая стонетъ: ты!
Иди, иди! тебя зовутъ,
Иди верни свой кроткій трудъ.
Отъ крови черной пѣгій
Я умирающій клянусь
Иди, иди чаруя нѣгой
Свою забытую страну.
Тебѣ племя твоихъ соборъ
Готовитъ царственный уборъ.
Иди, иди своихъ делѣя!
Ты имъ другихъ божествъ милѣе
Я лебедь умирающій клянусь:
Дитя: вернись въ свою страну.
Забывъ страну озеръ и моховъ,
Иди приеми дань изъ вздоховъ.
И лебедь легъ у ногъ ея
Какъ бѣлоснѣжная змѣя.
Онъ умирающій молилъ
И дѣву страсти умилилъ
Шаманъ ты всѣхъ земныхъ мудрѣй!
Какъ мной любима смоль кудрей.

И хладъ высокаго чела.
И взгляда острая пчела.
Я это все оставлю.
Но въ пѣсняхъ юноши прославию.
Вотъ эти косы и эту грудь
Вѣдунъ мой милый все забудь!
И водопадъ волосъ могуче рыжий
И глазъ огонь моихъ безстыжий,
И грудь и твердую и каменную
И духа кротость пламенную
Какъ часто послѣ мы жалѣемъ
О томъ, что раньше бросимъ!
И взоромъ нѣжности лелѣемъ
Моголь ей молвить «просимъ
Насъ не забывать
И этотъ камень дикій; какъ кровать
Онъ благо замѣнялъ постели.
Когда съ высокой ели
Насмѣшники свистѣли.
Златые свиристѣли
И съ благословящей улыбкой
Она исчезаетъ ласковой ошибкой.

КРЫМСКОЕ.

Вольный размѣръ.

Турки.
Вырея блестящаго и мимоходомъ всегда — окурки.
Валяются на берегу.
Берегу
Своихъ рыбокъ
Въ ладоняхъ
Сослоненныхъ.
Своихъ улыбокъ
Не могутъ сдержатъ бѣлокурые
Турки.
Иногда балогурять.
Море въ этомъ заливѣ совѣмъ засыпаетъ.
Засыпаютъ
Рыбаки въ море неводъ.
Небо тамъ золото:
Посмотрите, какъ оно молодо!
Но рыбаки не умѣютъ:
Наклонясь, сѣти сѣютъ.
Точно ихъ немного.
Ахъ! мнѣ грустно!
И этотъ вѣчный по песку хрустъ ногъ!
И наклонясь взять камешекъ,
Чувствую, что нужно протянуть руку прямоеще.
Бѣжить на моря сини
Вѣтеръ сладостно сѣя
Запахи маслины,
Цвѣтокъ Одиссея.

И море шепчетъ «не вы»
И дѣвушка съ дальней Невы.
Протягивая руки, шепчетъ: «моречко!»
А воробей проноситъ сѣмячко...
Ахъ! я усталъ одинъ таскаться!
А дитя, увидѣвъ солнце, закричало: «цаца!»
И пока расцвѣтаетъ, смѣясь, семья прибаутокъ,
Изъ ручки
Мальченки
Мчится камень вѣясь въ убѣгающихъ утокъ.
Сыпется, вѣясь, дождь въ уплывающихъ утокъ.
Кто-то платкомъ машетъ.
Возгласы: мамаша, мамаша!
Море ласковой мѣрой
Вѣетъ полуденнымъ золотомъ.
Ахъ, объ эту пору всѣ мы вѣримъ,
Всѣ мы молоды...
И нѣтъ ничего невообразимаго,
Что въ этотъ часъ
Море гуляетъ среди насъ,
Надѣвъ голубья невыразимыя...
Во взорахъ—песъ, камень,
Дорога пролегла песками,
Тамъ подъ руководствомъ маменьки
Барышня учится въ воду камень кинуть.
О этотъ рыбы въ неводъ ловъ!
И крикъ невидимыхъ орловъ!
Отсюда далеко все ясно въ водѣ.
Гдѣ очами безплотныхъ тучи пропли,
Я черчу: «В» и «Д».
Чьи? не мои.
Мои: «В» и «И».

Когда нибудь стоялъ здѣсь олень
Вся нѣжная отъ линьки
День! ты вновь стоишь, какъ карапузикъ — мальчикъ,
Засунувъ кулачки въ карманы.
Но вихрь уноситъ пѣсенъ дальше
И ясны горные туманы.
Отсюда море кажется старательно выполощен-
нымъ чьими-то мозолистыми руками въ синькѣ.
О, этотъ ясный закатъ
Своими красными красками катъ.
Бѣ было мѣсто боговъ и земныхъ дѣвъ виру,
— Тамъ, въ лавочкѣ,—продаютъ сыру.
Бѣ шествовалъ богъ — не сдѣланный, а настоящій,
Тамъ сложены пустые ящики.
И снимая шляпу,
И обращаясь къ тучамъ,
И оставивъ ногу,
Немного,
Лепечу—я съ ними не знакомъ—
Коснѣющимъ дѣтскимъ, несмѣлымъ языкомъ.
Если мое робкое допущеніе,
Что золото, которое вы тянули,
Когда смѣясь рассказывали о любви,
Есть обычное украшеніе Вашей семьи,
Справедливо, то не вѣрю, чтобы вы мнѣ не сообщили
Любите ли вы «тянули»,
Птичку «сплю?»
А также въ наукѣ «русскій языкъ» прошли-ли
Спряженіе глагола «люблю?»
Старое воспоминіе жалить.
Тѣни бѣжали.

И милая власть жива
И сѣры кружева
Вѣтеръ, пѣсни сѣя,
Улетѣлъ въ свои края.
Все забыло чары дѣлъ.
Лишь безсмертно вѣю
Я.
Только.
И кромѣ того ставить-ли учитель двойки?

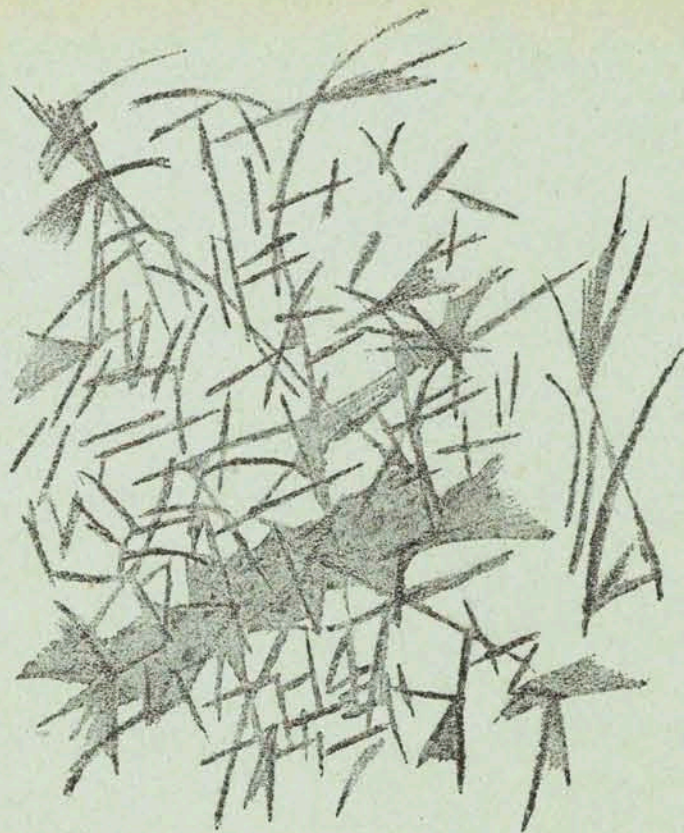
Примѣчанія.

Вырей—Югъ;—куда уносятся осенью птицы.

„Тянули“—лакомство.

„Сплю“—небольшая совка, распространенная въ южной Россіи.

Турки нерѣдко бываютъ бѣлокурими.

Михаил

Ларионовъ

Луганскій

Козирскіе

и

Нарва

Томскіе

ДАВИДЪ БУРЛЮКЪ.

О БРОДНИКАХЪ.

Бродники извѣстны лѣтописи какъ особенные кочевые славяне въ южной Россіи. Дальнѣйшая судьба этого степного племени неизвѣстна. Принято выводить его имя отъ глагола: бродить, вести бродячій образъ жизни. Между тѣмъ, принявъ другое слово производство, можно прійти къ заключенію что это племя юго-западныхъ степей. Принимало участіе въ завоеваніи Сибири. Допустимъ что народъ этотъ получилъ названіе отъ особеннаго рода обуви, которую онъ носилъ. Обувь эта въ отличіи отъ сапога не имѣетъ отдѣльной подошвы и выше щиколки туго перевязывается ремешкомъ, чтобы мягкая кожа не спадала съ ногъ. Въ древнѣйшее время она была обувью степного населенія Россіи, какъ свидѣлствуютъ пластинки и украшенія кургановъ.

Въ наше время ея нѣтъ въ Евр. Россіи, она вытѣснена сапогами и лаптями. Но въ Сибири до сихъ поръ хорошо извѣстно подъ именемъ бродни и предпочитается другой обуви за ту легкость и свободу движений, которую пріобрѣтаетъ въ ней нога. Пѣшій человекъ обутый въ бродни уйдетъ въ $1\frac{1}{2}$ раза дальше, чѣмъ обутый въ сапоги съ ихъ неподвижной подошвой. Внутри бродней кладется солома, чтобы избѣгнуть ушибовъ; то-же дѣлали и скифы какъ это видно изъ раздутости ихъ ногъ. Эта скифская обувь была-бы удобнѣе сапогъ для пѣшихъ войскъ, въ особенности въ горной странѣ (въ бродняхъ нога цѣпко охватываетъ камни).

Можно думать, что бродники—обрусѣвшіе потомки скифовъ, сохранившіе вмѣстѣ съ многими чертами быта и скифскую обувь. Стѣсняемые потоками размножающагося поселокъ въ своей кочевой свободѣ они ушли на востокъ, участвуя въ завоеваніи Сибири и распространили среди русскаго населенія новой страны ту обувь, которая дала имъ ихъ имя.

Не совершенно невозможно, чтобы вожди завоеванія не были бы изъ среды этого племени: Ермакъ и Кольцо могли быть потомками носителей кожаныхъ чулковъ.

Замѣчательно, что одинъ изъ покорителей Амура Хабаровъ былъ, какъ указываетъ его имя, потомкомъ храбрѣйшаго племени хозарскаго царства, племени хабары. Оно когда то, стѣсняемое единоплеменниками подымало возстаніе.

* * *

Op. № 27. Рождение—сонъ возможный,
Онъ былъ и навсегда
Теперь не сталъ тревожный
Печальный голосъ льда.
Тоскующія нити,
Плывущая бѣда,
Торжественность наитій
Влечетъ туда..
Тамъ безконечно пьяны
Сосновые лѣса.
Провалы и изъяны
Черта и полоса.
О содрогайся гордо,
Проваль, ударъ, тупикъ.
Измѣна всѣмъ аккордамъ,
ОГНЕДЫМЯЩІЙ ПИКЪ.

1909.

* * *

Op. № 28. Кто стоялъ подъ темнымъ дубомъ
Инстру- И, склоняя ликъ лиловый
ментовано Извивался прянымъ кубомъ,
на «С» Оставался вѣчно новымъ,
Сотрясая толстымъ шлемомъ,
Черепашьей скорлупой,
Ты клялся всегда триремамъ,
СТРАЖНИКЪ РАДОСТИ СЛѢПОИ.

1909.

Д. Бурлюкъ.

* * *

Ор. № 29. Стремглавъ болящій КОЛОСЪ,
Метла и Эфіопъ,
Сплетеня разныхъ полосъ,
Разноголосый снопъ,
Взлетающія ПЧЕЛЫ,
О милый малый полъ
Дразнящіе глаголы,
Коралловый аттоль.
Какъ вѣрѣ листьа пальмы.
Явь, синь и кружева.
Отринули печаль мы,
Ревъ изумленный льва.
ЛИЛОВЫЕ АРАБЫ....
Тяжелая чалма....
Ахъ, вѣрно вкусны крабы....
Пятнистая чума.

1909

* * *

Ор. № 30. Внизу журчитъ источникъ свѣтлый,
Вверху опасная стезя,
Созвѣздія вдымають метлы,
Надъ тихой пропастью скользя.
Мы всѣ приникли къ коромысламъ
Подъ блескомъ ясной синевы,
Не уклоняясь отъ смысла
И Я, и ТЫ, и МЫ, и Вы.

1908.

* * *

Ор. № 31. Среди огней подъ чернымъ небомъ,
Безликой прелестью жива,
Вознесена къ суровымъ требамъ
Твоя поспѣшно голова.
За переулкомъ переулокъ,
Сожравши потрясенный мостъ,
Промчишься мимо мѣдныхъ булокъ,
Всегда, сіяющій и простъ.
А тамъ, на синей высотѣ
Кружитъ твоя прямая стрѣлка,
На каждой времени верстѣ
Торчитъ услужливо горѣлка.

1909.

* * *

Ор. № 32. Стальные, грузныя чудовища
ОРАНЖЕВЫЙ подъемлють крикъ,
Когда ихъ слышу ржанье, новъ еще
Мнѣ жизни изможденный ликъ.
На колеяхъ стальныхъ, жестокиа,
Гиліотинами колесъ,
Стуча, трясете, многоокія,
Нѣмую землю — трошъ хаосъ.
Вы въ города обледенѣлыа
Врываются изъ темныхъ нивъ,
Когда ЧАСЫ лукаво СПѢЛЫЕ
Свой завершатъ живой приливъ.

1908.

Ор. № 33. ТРУБА БЫЛА зловѣще ПРЯМОЙ
 ОПАСНАЯ ЛУНА умирала,
 Я шель домой,
 Вспоминая весь день сначала.
 Съ утра было скучно,
 Къ вечеру былъ стыдь.
 Я былъ на площади тучной
 И вдругъ заплакалъ навзрыдь.
 Труба была трагически прямой,
 Зловѣщая луна УМЕРЛА.
 Я такъ и не пришелъ домой,
 Упавъ у темнаго угла.

1909.

* * *

Ор. № 34. Какой глухой слѣпой старикъ!
 Мы шли съ нимъ долго косогоромъ,
 Мнѣ надоѣлъ упорный крикъ,
 Что называлъ онъ разговоромъ,
 Мнѣ опротивѣли глаза,
 Въ которыхъ больше было гноя,
 Чѣмъ зрѣнія, ему стезя
 Была доступна, — вель его я.
 И вотъ пресѣкся жалкій день,
 Но къ старику нѣтъ больше злобы,
 Его убить теперь мнѣ лѣнь,
 Мнѣ мертвой жаль его утробы.

1907.

Д. Бурлюкъ.

* * *
Ор. № 35. У радостныхъ воротъ,
Поникшій утомленно,
Подъ тяжестью огромной
Желаній рабьихъ — кротъ,
Иль сглазили со стѣнъ
Иль передъ узкимъ входомъ,
Сраженный цѣпкимъ годомъ,
Ты самъ отринулъ плѣнъ. 1910.

* * *
Ор. № 36. «ЛАЗУРЬ БЕЗЧУВСТВЕННА», — я убѣждалъ
старуху,
«Оставь служить скелетамъ сирыхъ травъ,
Оставь давить раскормленную муху,
Вождя назойливо взлетающихъ оравъ».
Съ улыбкой старая листамъ рѣчей внимала,
Свивая сѣть запутанныхъ морщинъ,
Срѣзая зломъ уснувшего металла
Неявный снопъ изысканныхъ причинъ. 1910.

* * *
Ор. № 37. Вечеръ гнѣенья
Старость тоскливо
Забытое пѣнье
Лиловымъ стремленье
Блѣдное грива
Плакать страдалецъ
Тропы залива
Сироты палець. 1911 г.

Примѣчаніе. Лейтъ — слова: подчеркнуты величиной. Авторъ.

* * *
Ор. № 38. Темный злоба головатый,
Сѣро глазое пила
Утомленный родила
Звѣздъ желательное латы.

* * *
Ор. № 39. Какой позорный черный трупъ 1912.
На взмыленный дымящій крупъ
Ты взгромоздилъ неукротимо...
Желѣзный грузъ забытыхъ словъ
Ты простираешь мрачно вновь
Садовъ благословенныхъ мимо.
Подъ хладнымъ озеромъ небесь,
Какъ безконечно юркій бѣсъ,
Прельстившійся единой цѣлью!
И темный ровъ и сѣрый крестъ
И взгляды запыленныхъ звѣздъ
Ты презрѣлъ трупною свирѣлю. 1911.

* * *
Ор. № 40. Передъ зеркаломъ свѣча
Съ странной миной палача
У дѣвчьяго плеча
Остріе влачить меча,
Вкругъ ея ночная тьма,
Изступленная зима
Угловата и пряма,
Оковавшая дома. 1901.

СБЪЖАВШІЯ МУЗЫ.

Были сумерки. Еще безсильный послѣ долгой болѣзни вышелъ покачиваясь, въ полутемную залу и сталъ у окна. Прислонившись лбомъ къ холодному стеклу смотрѣлъ какъ постепенно угасали послѣдніе отблески зари и застывали деревья.

Кружилась голова и во рту было сладко какъ отъ варенья.

Снаружи не доносилось ни звука и лишь въ комнатахъ потрескивала мебель.

Вдругъ обернулся:—за дверью шептались. Прислушался;—ни шороха. Конечно показалось,—шумъ въ ушахъ, знаете, послѣ долгой болѣзни.

Задумался и присѣлъ на край стула. Зыбкій свѣтъ звѣздъ не могъ разогнать тьмы глубокой комнаты.

Что это? Сдавленный женскій смѣхъ и шорохъ платья у двери въ бібліотеку.

Потомъ различилъ:—«Тихе! Онъ спитъ! Снимите ботинки!»—Заскрипѣла дверь и вошли. Слышны были только шаги и прерывистое дыханіе. Минуту спустя все затихло. Пошевелинулся и кашлянулъ:—ни звука. Всталъ подошелъ къ двери и попробовалъ—заперта. «Не хорошо, галлюцинаціи—рано поднялся».

На слѣдующій день всталъ около одиннадцати и, позавтракавъ, пошелъ въ читальню. Всюду легла пыль и фотографіи съ греческихъ и римскихъ памятниковъ пожелтѣли, а на снимкѣ съ любимаго остійскаго саркофага съ удивленіемъ замѣтилъ исчезновеніе музъ. Лишь кое-гдѣ лежали—гдѣ недописанный папирусъ, гдѣ котурны и трагическая маска, а флейта Эвтерпы валялась разбитая на куски.

ПОЛУНОЧНЫЙ ОГОНЬ.

Рокоть экипажа и прохлада ночи усыпили путника. Гармонія движенія и покоя превратилась въ музыку, къ которой подъ самое утро присоединились фырканье лошадей и ободрительные окрики возницы.

Проснувшись, Василій увидѣлъ между коренникомъ и пристяжной телеграфный столбъ смущеннаго кучера и понялъ причину шума. Отрезвленный маленькимъ происшествіемъ, уже не могъ спать и только вникалъ въ послѣдніе аккорды ночной игры.

Скоро показалась деревня и когда подѣхали къ крыльцу солнце бросало первые лучи на верхушки сада.

Потихоньку вошелъ въ незапертый домъ. Всѣ домашніе спали. Въ полутемныхъ комнатахъ теплый воздухъ ласкалъ и валилъ на постель. Не сопротивляясь сладкому позыву, пробрался въ свою комнату и легъ. Послѣднимъ звукомъ донесшимся до его слуха былъ кошачій крикъ павлиновъ.

Когда проснулся—вечерѣло. День ушелъ и края тучъ уже чуть-чуть розовѣли. Братья и сестры ушли въ садъ. Спросилъ у матери прѣвзжалъ ктонибудь во время его отсутствія. «Никто, а вотъ письмо такъ есть...» Конвертъ узкій и длинный, незнакомый почеркъ. Распечаталъ и заглянулъ—сухой дубовый листъ и больше ничего.

Кто могъ пошутить?

Солнце изъ-за плѣсени тучъ едва значилось краснымъ огнемъ. Въ саду и тихо и пустынно. Встрѣтилъ дочь механика. «Какъ, вы, Вася съ краснымъ левкомъ?» Отвѣтилъ важно:—«сожигая незрѣлыя надежды».

Всюду запылалъ огонь. Въ домѣ—гдѣ голубѣла лампа, гдѣ шаталась зыбкая свѣча. У бани языки ливали стѣну и на фонѣ ихъ источниковъ—источникъ, можетъ-быть одинъ изъ отроковъ.

Хотя былъ августъ—легъ на террасѣ.

Легкій вѣтеръ несъ съ моря обрывки тумана и шуршалъ въ деревьяхъ.

Проснулся отъ холода—сползло одѣяло, можетъ-быть кто-то дунулъ. Тихій туманъ залилъ садъ. Подушка и волосы влажны и холодны. Сквозь бѣлый сумракъ перекошенная луна никла въ темныхъ пятнахъ тучъ. Въ душѣ течетъ вода. Кто это можетъ такъ поздно мыться? Крикнулъ: «Эй, кто тамъ купается?» Отвѣта нѣтъ. Василий всталъ и нагой пошелъ къ душѣ. Дверь открыта и на скамейкѣ нѣтъ одежды. Вода падаетъ полнымъ столбомъ, а въ немъ блѣдная фигура чужого юноши. Зеленое лицо покрыто струями, глаза закрыты. Вода рѣзво бѣжитъ и съ шумомъ растекается по полу, а незнакомецъ недвижимъ и безмолвенъ. Вдругъ сзади на порогъ зашуршало. Василий обернулся и уви-

дѣлъ языкъ пламени. Онъ осторожно переползалъ на постилку душа. Потомъ мимо Василя онъ, шурша и извиваясь, съ голубымъ дымомъ, покотился къ струѣ воды. Чужой юноша, увидя огонь, заерзалъ и сжался, но огонь уже замѣтилъ его. Потрескивая по мокрымъ доскамъ, овился вокругъ звонкой струи. Юноша позеленѣлъ еще болѣе, а огонь прогрызъ водяную броню и приникъ къ его тѣлу. Бѣлыя жилки побѣжали наискось по тѣлу незнакомца, а между ними зеленѣла тонкая плоть листа. Пламя желтой гусеницей изгрызло листъ, вода глухо ниспадала, а Василий смотрѣлъ. Гусеница на листѣ свила вокругъ себя коконъ, а листъ пожелтѣлъ и скрутился. Вода со стономъ убѣгала по темному полу. Въ маленькое окошко подъ крышей глянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ истощенную струю. Скудныя нити воды заблестѣли подъ мутнымъ свѣтомъ и болѣе я ничего не увидѣлъ.

НАЪЗДНИЦА.

Милой Симѣ.

Мы воду пьемъ—кто изъ стакана,
А кто прильнувъ къ струѣ устами,
Въ пути и въ хижинѣ желанна
Она прозрачными перстами.

Весной—разлившейся рѣкою
Гнетъ затопленныя деревья,
И, изогнувшись за лукою
Стремится непреклонность дѣвья.

Мы воду пьемъ—кто изъ стакана,
А кто прильнувъ къ струѣ устами
Среди весеняго тумана
Идя полночными берегами.

Не видно звѣздъ, но сумракъ свѣтель
Упавъ въ серебрянныя стѣны.
Въ поляхъ наѣздницы не встрѣтилъ
Лишь находилъ обрывки пѣны.

Но сквозь туманъ вдругъ слышу шопотъ
И вижу какъ, колебля иву,
Струя весны, забывши ропотъ,
Несетъ разметанную гриву.

Я.

1901 г. И въ комнату тихіе углы
Студеной ночи воздухъ зимній
Нисходитъ холода полы
И мразь бодритъ какъ строгій схимникъ.
А за окномъ звѣзду слѣдя
Смѣются дѣвушки безопасно
И путь небесъ—напитокъ млечный
Имъ материнства череда.

1910 г. Въ полѣ вѣтра пьяный бредъ
Декабрь И коляски темный верхъ
Точно дѣвы капюшонъ.
Гаснетъ дня послѣдній свѣтъ
Зимній вечеръ день повергъ
Сумракъ бури звѣздъ лишенъ.
Кони рады ласкамъ вьюгъ
Кобылицамъ хладныхъ пургъ
Ихъ развѣянныя гривы
Свиты съ гривами подругъ
Вѣтръ степей сѣдой теургъ
Сыплетъ пѣною игривой.

1910 г. Съ легкимъ вздохомъ тихимъ шагомъ
Черезъ сумракъ смутныхъ дней
По равнинамъ и оврагамъ
Древней родины моей,
По ея лѣснымъ цвѣтамъ,
По невспаханнымъ полямъ,
По шуршащимъ очеретамъ,

По ручьямъ и болотамъ,
Каждый вечеръ ходитъ кто-то
Утомленный и больной
Въ голубыхъ глазахъ дремота
Грѣетъ вѣщей теплотой.
И въ плащѣ ночей широкомъ,
Плещетъ, плещетъ на рѣкѣ,
Оставляя ненарокомъ
Слѣдъ копыта на пескѣ.

1910 г. Какъ послѣ этого не молвить
31-го Что тихой осени рука
августа Такъ нѣжно гладить паука
Желая тайный долгъ исполнить.
Какъ послѣ этого не вянуть.
Цвѣтамъ и маленькой травѣ,
Когда въ невольной синевѣ
Такъ облака готовы кануть.
Какъ послѣ этого не стынуть
Слезами смоченнымъ устамъ,
Когда колеблешься ты самъ
Пугаясь смерти жребій вынуть.

1910 г. Проходятъ дни невольной страсти
августъ Цвѣтутъ деревья и вода
Земли зеленая руда
Плететь узорчатая снасти,
Чернѣетъ остовъ корабельный
И осени уже рука
Канать работы паука
Кидаетъ въ воздухъ безпредѣльный.

1910 г. Я мальчикъ маленькій—не болѣ,
декабрь. А можетъ-быть, лишь внукъ дѣтей
И только чувствую острѣй
Пустынность горестнаго поля.

1910 г. Что если я, блуждая втунѣ
сентябрь. По этимъ улицамъ и днямъ,
Веселый странникъ наканунѣ
Пути къ далекимъ островамъ.
Что если я совсѣмъ случайно
Попалъ подъ Сѣверный вѣнецъ
И скоро выйду наконецъ
Изъ жизни сумрачныхъ тайны.
Что если я, заснувъ въ туманахъ.
Печально плещущей Невы,
Очнусь на солнечныхъ полянахъ
Въ качаньи вѣтренной травы.

1910 г. Какъ станетъ все необычайно
И превратится въ мѣръ чудесъ,
Когда почувствую случайно
Какъ безпредѣленъ сводъ небесъ.
Смотрю-ль на голубей и галокъ
Изъ оконъ дома моего,
Дивлюся болѣе всего
Ихъ видомъ зябнущихъ гадалокъ.
Иль выйду легкою стопой
На Петербургскій троттуаръ
Спѣшу вдохнуть квартиръ угаръ.
Смущаясь тихою толпой.

ВЛАДИМИРЪ МАЯКОВСКИЙ.

* *
* *

Въ патрахъ истертыхъ масокъ цвѣль гдѣ
Изъ ранъ лотковъ сочилась клюква
А сквозь меня на лунномъ сельдѣ
Скакала крашенная буква

Вбиваю гулко шага сваи
Бросаю въ бубны улицъ дробь я
Ходьбой усталые трамваи
Скрестили синихъ молній копыя

Въ рѣзкой рукѣ единый глазъ
Кривая площадь кралась близко
Смотрѣло небо въ бѣлый газъ
Безглазымъ ликомъ Василиска.

ОТПЛЫТІЕ.

простыню водъ подь брюхомъ крылій
порваль на волны бѣлый зубъ
быль вой трубы какъ запахъ лилій
любовь кричавшихъ мѣдью трубъ
и взвизгъ сиренъ забыль у входовъ
недоумѣнье фонарей
въ ухахъ оглохшихъ пароходовъ
горѣли серьги якорей

А. КРУЧЕНЫХЪ.

МЯТЕЖЪ НА СНѢГУ.

Слова съ чужими брюхами и др.

Сарча, кроча буга на вихроль опохромѣль пяти
конепыть проѣздоаль ваа спренькурый смѣлубъ вѣшубъ
выньку женрогуловарый спаръ въ томъ еже спинобро-
хинкому бурль се вотарнъ сумре на ванишестъ сенъ
гирно купъ вспадина.

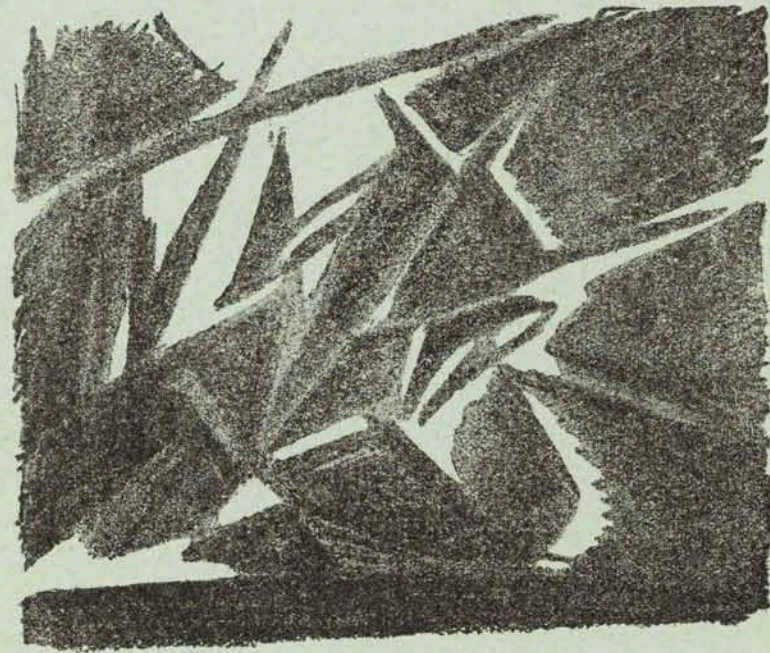
Дверь
свѣжіе маки
расцѣлую
пышетъ
закатъ
мальчикъ
собачка
поэтъ
младенчество лѣтъ

Ударъ
ножь
токъ
посинѣло
живи
живешь умираешь

жизнь скучнѣе смерти
смерти
живи мертвецъ
сосущій мертвыхъ
всегда свѣжихъ
и такъ живу
полюй
протухъ

Пѣтухъ мудрости.
Убывала вода А
въ бѣлыхъ коняхъ не было воды Э
старцы подкатываютъ пальму
изсохла пещера
въ ней явства Е
благодатныя мысли прорѣзываютъ потолокъ

износились всѣ слова на коняхъ
застыло олово висятъ портки
мудрецы безъ работы зѣваютъ
зѣвъ змя зѣвнуль проглотилъ
озъ паръ отъ лошади тѣло
научился самъ ловить раковъ
питаюсь бей надувалу ого-го

Наталиа Тонгарова - Голова клоуна

О—

ой и душно мнѣ не пускають
плетка въ носъ лѣзуть
мудрецы живутъ долго день долгій
а другіе качурятся
ни въ тебѣ ни въ себѣ не
нахожуся НѢТЬ горе горе
и сталъ я видѣть вдоль и по-
перекъ ничего не вижу не
сидятъ на рѣкѣ благополучной
не скучной жуютъ дыни пѣтухъ
бѣгаетъ клюетъ
умилился ножъ и не рѣжетъ
такъ было раньше
а написанное раньше—теперь.

ЕЛЕНА ГУРО.

Изъ цикла «НЕБЕСНЫЕ ВЕРБЛЮЖАТА».

Посвящается Ольгѣ
Громозовой.

Газетное объявление.

Верблюжьяго пуха, особо теплыя фуфайки
кальсоны, чулки и наживотнички.

Это дѣлается такъ: ловятъ въ засаду молодыхъ
свѣтлыхъ духовъ, длинноватыхъ и добрыхъ, похожихъ
на золотистыхъ долговязыхъ верблюжатъ, покрытыхъ
пухомъ святого сіянья. Сгоняютъ ихъ въ кучу, щелкая
по воздуху бичемъ, и нѣжныя добродушныя созданья,
слишкомъ добрыя, чтобы понять, какъ это дѣлаютъ
боль, толпятся, тѣсняются, протягивая другъ черезъ друга
шеи, жмутся о грубую загородку, теряя съ себя въ
тѣснотѣ свой нѣжный пухъ.

Этотъ-то пухъ небесныхъ верблюжатъ особо теплый
весеннимъ живоноснымъ тепломъ и собираютъ потомъ
съ земли и ткуютъ изъ него фуфайки.

— А какъ-же бѣдныхъ бѣдныхъ верблюжатъ такъ и
убьютъ?—Спросили меня съ безпокойствомъ.

— Чего ихъ убивать, ихъ погоняютъ, погоняютъ, пока
пухъ съ нихъ пообобьется, да и выпустятъ обратно въ
небо до слѣдующаго раза, а пухъ у нихъ отрастаетъ
въ одну минуту еще лучше прежняго.

На еловомъ поворотъ.

Крѣпите снасти!
Нордъ-Вестъ!
Смѣльчакомъ унеслась
въ небо вершина
И стала недоступно
И строго
на краю,
Отъ ея присутствія — небо—выше.

Этого нельзя же показать каждому?

Прости, что я пою о тебѣ береговая сторона
Ты такая гордая.
Прости что страдаю за тебя—
Когда люди, не замѣчающіе твоей красоты,
Надругаютъ надъ тобою и рубятъ твой лѣсъ.
Ты такая далекая
И недоступная.
Твоя душа исчезаетъ какъ блескъ—
Твоего залива
Когда видишь его близко у своихъ ногъ.
Прости, что я пришелъ и нарушилъ—
Чистоту, твоего одиночества
Ты царственная.

Весна, весна!

Какой смѣшной былъ верблюжонокъ—прилежный.
Старательно готовился къ экзаменамъ и потомъ проваливался отъ застѣнчивости, да чудачества. А по зарямъ, чѣмъ-бы прилечь носомъ въ подушку,—украдкой писалъ стихи.

Отъ прилежанія отнималъ у себя радость первыхъ листьевъ въ весеннемъ небѣ. А не умѣлъ, чтобы брюки не вылезали изъ за пояса и чтобы рубашка не висѣла мѣшкомъ, и передъ чужими было бы ловко.

Не умѣлъ представится, что не хочетъ играть въ лаунъ-тенисъ,—и видѣли всѣ, что не умѣетъ отъ застѣнчивости, и что хочетъ застѣнчивость скрыть и тоже не умѣетъ, и мучительно зналъ онъ, что на самой спинѣ у него читаютъ, какъ ему невыносимо неловко... И онъ видѣлъ потому веселье чаще всего удаляющимся, или мелькающимъ вдали сквозь деревья.

Да, но на днѣ зеркальныхъ озеръ ясныя журавлиныя нетронутыя зори. Одинокія чистыя небеса.

Когда верблюжонокъ смотрѣлъ на небо, въ розовомъ небѣ разливался родной теплый край.

* * *

О, полной чашей богато ты—сердце, во все повѣрившее.

* * *

Раздумьи—возвеличенныя одиночествомъ.

Поймутъ-ли это тѣ,—чья судьба всегда грѣться у чужихъ огней? Чужіе огни даютъ мало тепла:—и отъ нихъ часто прогоняютъ.

Объщаемся не опускать глаза, когда насъ встрѣ-
тить съ насмѣшкой тѣ, кого мы любимъ. (И тѣ кому
мы вчера вѣрили—или еще сегодня утромъ). Нѣтъ!
Мы примемъ ихъ насмѣшку въ тихіе, ясные, широко
раскрытые наши глаза и будемъ ее носить на груди
нашей, какъ орденъ, не скрывая.

Это насмѣшка того,—кому я хочу счастья...

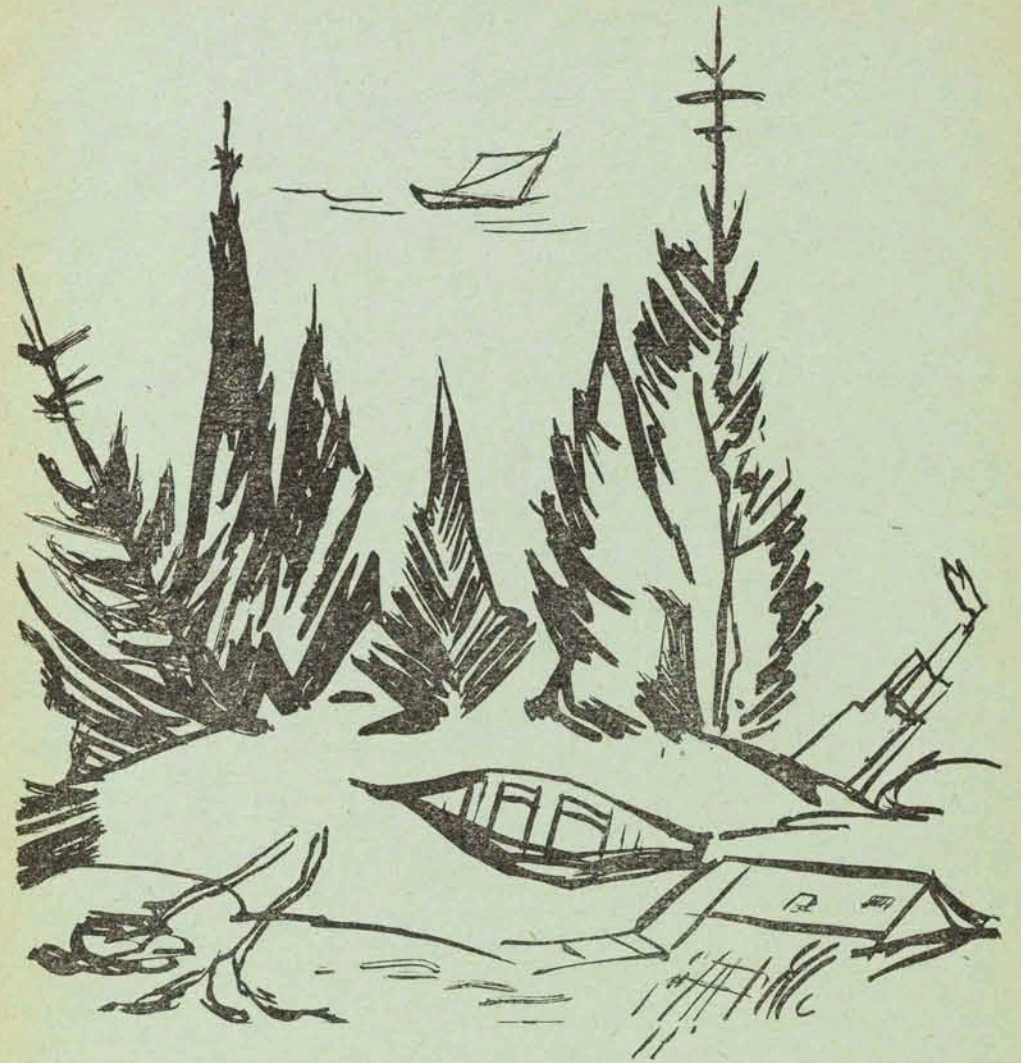
Всѣ мои мечты да соберутся вокругъ твоей головы:
мечты счастливаго мечтателя,—вкругъ тебя мой бѣд-
ный, бѣдный насмѣшникъ.

* * *

Я глупъ, я бездаренъ, я неловокъ, но я молюсъ
вамъ высокія елки. Я очень даже неловокъ, я—трусъ.
Я вчера испугался человѣка, котораго не уважаю. Я
изъ трусости не могу выучиться ѣздить на велосипедѣ.
У меня ни на что не хватаетъ силы воли, но я мо-
люсъ вамъ высокія елки.

Я вчера доброй дамѣ, которая дала мнѣ молока
и бисквитовъ, не рѣшился признаться, что я—пишу
декадентскіе стихи, изъ мучительнаго страха,—что она
спроситъ меня, гдѣ меня печатаютъ? И вотъ сказалъ,
что главное призванье моей жизни съ увлеченьемъ
давать уроки. Сегодня я отъ стыда и раскаянія—ко-
лочу себя . . . . .

Я вчера кончилъ стихи совсѣмъ не такъ, какъ хо-
тѣлъ, но я зналъ, что надомной будутъ смѣяться..
Но вотъ всѣ пошли на гулянье къ вокзалу,—а я
молюсъ вамъ высокія елки, безъ васъ я очень глупъ,
очень . . . . .

У ПЕСЧАНАГО ВУГРА ВЪ ГОЛУБОЙ ДЕНЬ.

Вотъ, стоятъ цари, увѣнчанные свѣчами...

Въ свободной, — свободной высотѣ, надъ вѣнцомъ царей, пустой флагштокъ нѣжно сверлитъ голубизну...

Здѣсь я даю обѣтъ: никогда не стыдиться настоящей самой себя. (Настоящей, что пишетъ стихи, которые нигдѣ не хотять печатать). Не конфузиться, когда входишь въ гостинную, и какъ-бы много не было тамъ неприятныхъ гостей, — не забывать, что я поэтъ, а не мокрица...

И не желать никогда печататься въ ихъ журналахъ, не быть, какъ всѣ, и не отнимать жизни у животныхъ.

Почему я и это думаю?

Поэтъ — даятель, а не отниматель жизни... Посмотри, какой мѣръ хорошенькій, — вымытый солнцемъ и уже — вѣрить въ твое чувство и твои будущія писанія и глядить на тебя съ благодарностью...

Поэтъ даятель жизни, а не обидчикъ отниматель. И общаю не стѣсняясь говорить элегантнымъ охотникамъ, какъ-бы они ни были привлекательны, что-они подлецы — подлецы!!!

И пусть за мной — никто не ухаживаетъ, я сильна!

Но сдержу-ли я свое слово?... Сдержу ли я его?

Я сжимаю кулаки, но я одна и кругомъ величественно.

Это быстро у меня проходить . . . . .

Моя рука подняла камушекъ и бросила... кружась спиралью онъ очертилъ арку надъ краемъ лѣса въ голубой странѣ... Онъ былъ всю жизнь на землѣ и вдругъ моя рука ему дала полетъ... Пролетая голубизну, — блаженствовалъ-ли онъ?

Э. Туро.

* * *

Развѣваются зеленя кудри въ небѣ.
Небо смѣется,
Мчатся флаги на дачахъ,
струятся съ гордыхъ флагштоковъ,
плещуть въ голубомъ вѣтрѣ.

* * *

Вѣтрогонъ, сумасбродъ, летатель,
создатель весеннихъ бурь,
мыслей взбудараженныхъ ваятель,
гонящій лазурь!
Слушай, ты, безумный искатель,
мчись, несись,
проносись нескованный
опьянитель бурь.

* * *

Поклянитесь однажды, здѣсь мечтатели,
глядя на взлетъ,
глядя на взлетъ высокихъ елей,
на полетъ полетъ далекихъ кораблей,
глядя какъ хотятъ въ небѣ островерхія,
никому не вѣряя гордой чистоты,
поклонитесь мечтѣ и вѣчной вѣрности
гордое рыцарство безумія,
и быть вѣрными своей юности
и обѣту высоты.

І ю н ъ.

Вечеръ. Длиныя, тонкія, чуть-чуть грустныя полосы
на небосклонѣ.

«Видите! надо иногда пройти босикомъ по крапивѣ
Сказалъ и смолкъ и самъ подумалъ: «Ну чтожъ значить
надо». Думалъ и покусывалъ пальцы. Жалѣлъ что
сказалъ.

Это былъ очень застѣнчивый чудакъ. Отойдя въ
сторону надъ нимъ уже насмѣшливо смѣялись. Въ небо-
склонѣ надъ плоскимъ пескомъ дюны, завинчивала чайка
ржавую гайку. Сосны Калевалы побережья, взмахнувъ,
отъѣхали. Не было плеска. И у берега лежалъ вечер-
ній переполненный безмолвіемъ свѣтлый глазь.

Мечтательная страна,
сѣверная сторона.
вечерняя сторона
безбрежный взоръ
великій и великодушный.

Въ небѣ была удивительно свѣтлая полоса. Онъ
этого хотѣлъ такъ, и ему дѣйствительно приходилось
за это ходить босикомъ по крапивѣ... Потому она его
и оставила.

Ей казалась стыдно и смѣшно, когда обожженная
босая нога неловко невольнo вздрагивала. А онъ былъ
простодушный, онъ смѣло лѣзъ черезъ крапиву, боси-
комъ. Но иногда у него отъ боли—смѣшно дергалась
при этомъ нога.

Этого-то ему и не простили.

Вѣдная красивая барышня,—она не умѣла летать!

* * *

Отъ счастья лѣтняго рождаются слова! все хорошія слова:

Прудикъ, водикъ,
бродикъ,
верблюдикъ,
растерятикъ,
параходикъ.

А параходикъ со звонкой, красной Американской полосой сегодня утромъ видѣли съ балкона.

* * *

Ахъ! какая лодка! У нея веселый носъ крутыя ребра,—вся она веретенцомъ: бѣлая, съ красной и зеленой полоской. Идетъ и ныряетъ, ныряетъ носомъ: такъ и рѣжетъ волны: съ ней размечтаешся не на шутку,—летить! Перегони пароходы! Ну ихъ! Поцѣлуй,—поцѣлуй синюю волну!..

Наше вамъ! очарованной бѣлой принцесѣ—башнѣ маяка.

Ну, ныряй! ну еще!—еще!.. Ну,—еще-же! Зовутъ ее «Рыбка».

Хоръ.

У него-ли рыбочка
Лодочка весна
Дотого-ли ходкая
Завидно ладна!

Онъ.

Рыбка моя лодочка
не посмѣй тонуть
Съ красной да полосочкой,—
ходкая мигнуть.

Хоръ.

Лодка лодка лодочка—
одного мигнуть
Не посмѣй рыбешечка
затонуть.

Онъ.

Ладна, ладна лодочка,
да во днѣ дыра
Подвела малюточка
къ рыбкамъ привела.

Хоръ.

Ахъ его-ли лодочка
да не хотъ куда
до краевъ маленечко
тина, да вода.

Да здравствуютъ гордыя калоши! Кто встрѣтитъ въ
лѣсахъ Балтійскаго побережья пару калошъ, безъ
человѣческихъ жалкихъ ногъ,—да узнаетъ—это въдѣ
мои калоши. Они были слишкомъ славны и велики,
слишкомъ велики—что-бы держаться на ногахъ. Воз-
вышенныя! Счастливы тотъ,—кого назовутъ они дру-
гомъ,—на чьихъ ногахъ они согласятся путешествовать...
Они всегда презирали меня.

Дождикъ, дождикъ, звени на крышахъ дачъ слав-
ную пѣсню о свободныхъ калошахъ!.. Они были такъ
благородно независимы и салонно воспитаны,—что
почти никогда не оставались въ передней... Нѣтъ!.. И
я замѣчалъ это лишь тогда, когда они уже успѣвали
достойно заслужить вниманье всѣхъ сидящихъ въ го-
стинной...

Я не завистливъ,—но на на нихъ всегда обращали—
гораздо больше вниманія чѣмъ на меня... Я не вы-
несъ соперничества...

И вотъ, одинокія гордыя немного унылыя—они—
свободны. О, калоши, калоши, гордыя калоши сѣвера!

* * *

Эхъ ты! У тебя рубашка вылезла надъ поясомъ!
Хоть полпуда муки высыпай тебѣ въ рубашку.
Что разставилъ граблями пальцы—Эй ты, мямля!
Ну, что уставился, да еще раскрылъ ротъ!
Ты правишь лодкой?
Нѣтъ.

А лошадыю?

Нѣтъ.

А дерешся?

Нѣтъ, право, оставь меня!

«Что-жь ты дѣлашь цѣлый день, длинная просто-филя?»

Да, оставь, ну, не надо...

Эхъ, отколотилъ-бы тебя да жаль, и вдобавокъ ты король, это для тебя, собственно, и небо, и земля..

Да, ну, тебя, ты теперь такъ и прстоишь розиня ротъ до самаго Покрова! Знаешь, что, дамъ-ка я тебѣ шлепка прямо изъ милосердія, а то прстоишь вѣдь— такъ, король, до самаго Покрова.

На пескѣ.

Сосновыя шишки выбѣленные на пустынномъ пескѣ соленой водой и солнцемъ принимаютъ голубой цвѣтъ.

Въ каждой шишкѣ, въ разгибахъ ея согнутыхъ чешуйкахъ кристаллизованная буря. Упорный вѣтеръ,— кристаллы сѣвернаго настроенія. Они были собраны въ шапку и принесены домой,— вмѣстѣ съ раковинами улитокъ, сомнительно пахнувшими тинной, и хорошенькими сухими шариками, которые дома выброшены встрѣтившими, за свое явно заячье происхождение и за которые принесшіи были осмѣяны. Какъ— осмѣяны! Отбиваясь, онъ пробился сквозь кусты— оставивъ на сучьяхъ клочья тонкихъ волосъ и бросился какъ молодой жираффъ нелѣпыми шагами осмѣяннаго. Почему? Вѣдь заячьи шарики были сухія и очень хорошенькіе. Въ округленныхъ ямкахъ песку лежали какъ въ гнѣздышкахъ.

В. Туро.

* * *

Выплывали въ море упоенное
смѣлогрудые корабли.
Выплывали вскормленные
нѣжной прихотью весны.
Эхъ! лѣнтяй, лѣнтяй Ерема,
пролежалъ себѣ бока,
вѣтеръ свѣжій, скучно дома.
Небо нѣжная сквозина.

Ты, качай, качайся, лодочка,
у песчаной полосы,
за тобой змѣйки веселые,
отраженья зацвѣли.
Зацвѣли восторгомъ золотомъ,
звонко красной, полосой
за меня рѣзвися лодочка,
шалопая велятъ домой.

Розовый вечеръ.

Вотъ въ розовомъ раю чисто выкупавшагося моря
заблестѣли и поплыли необъяснимыя зеленыя полосы.
И стало жаль ясности и того—чего нельзя выразить,
а объясненья не было. Поплыли полосы зеленого мо-
лодого блеска и отвѣта не было. И все въ глазахъ не-
возвратимо и невыносимо стоялъ рай свѣта и воды.

Юнь—вечеръ.

Какъ высоко крестили дальнія полосы, вершины—
Вы царственные.
Раскажи, о чемъ ты такъ измаялся
вечеръ, вечеръ ясный!
Улетѣли въ верхъ черныя вершины—
Измолились высоты въ мечтахъ
Изошли небеса небеса . . . . .
О, чемъ ты, ты, изомлѣлъ—измаялся
Вечеръ—вечеръ ясный?

Пролежала дорога въ сторонѣ,
Не было въ ней пути,
Нѣтъ!

А была она за то очень красива!
Да, именно за то.

Приласкалась къ землѣ эта дорога,
Такъ прильнула, что душу взяла.

Полюбили мы эту дорогу
На ней поросла трава.

Доля, доля, доляночка!

Доля ты тихая, тихая моя.

Что мнѣ въ тебѣ, что тебѣ во мнѣ?

А ты меня замучила!

Вечеръ.

Эта боль, когда сердце любовью разрывается въ
пространство—къ дереву, вечеру небу и кусту. И лю-
бить потому, что не любить, что не любить оно не
можетъ.

* * *

Море плавно и блеско
Летают ласточки.
Становится нѣжно розовымъ.
Мокнетъ чалочка,
Плыветъ рыбалочка
Летогонъ, летогонъ,
Скалочка!

Что еще за скалочка? Это просто-такъ, я выдумалъ.
Это очень мило, Скалочка!—Скалочка! Это должно
быть что-то среднее между ласточкой и лодочкой!..

* * *

Дождики, дождики,
Прошумятъ, прошумятъ.
Дождики—дождики, вѣтеръ—вѣтеръ
Заговорятъ, заговорятъ, заговорятъ—
Журчатъ.

* * *

Я знаю, ты вѣришь въ меня. Ты вѣришь, что если
я сижу нелѣпо цѣлый день въ лѣсу, уткнувшись гла-
зами въ кочку, и будто ничего не дѣлаю, то это не
спроста, не даромъ. Что если я говорю о неудачахъ,
то это передъ самыми искренними усиліями.

Ты вѣришь въ меня, ты вѣришь такъ, что умѣешь
ждать за меня. Вѣришь, когда я самъ въ себя не вѣрю,
и—когда вѣрю въ себя какъ въ Бога! Никогда ты не
сердишься на меня за это! А люди вообще за это
сердятся.

Ты вѣришь, дай тебѣ Богъ вѣтеръ родной и род-
ную землю. На родной намъ землѣ ходятъ островерхія
мохнатыя вершины. На родной намъ—лѣсныя дали
безъ конца раскрываются, вершины острыя въ небо
смѣльчаками умчались,—ходятъ по вѣтру надъ теп-
лымъ картофельнымъ полемъ.

На родной намъ землѣ—иная зори и иной—вѣ-
теръ.

Вдвоемъ.

—«Надо быть чистой искренной душой, чтобы —
стать рыцаремъ.

— «Что-же ты дѣлаешь, чтобы исправиться?

— Я по утрамъ выхожу къ молодой соснѣ, и мѣрю
свое нынѣшнее ощущеніе чистоты съ ея высотой,—но
это почти жестоко...

— И ты это мнѣ рассказал! Теперь я вижу ка-
кой ты...

* * *

Ты вѣришь въ меня?
— Я вѣрю въ тебя.—
А если они всё будутъ противъ меня?
Ну да, какой-же ты, я вѣрю въ тебя.
Если всё мои поступки будутъ
позорно противъ меня?
Я-же вѣрю въ тебя!

Въ небо улетаетъ, улетаетъ ласточка — кружится
отъ счастья. На дюнѣ пасмурно, сѣро и тихо.
Куличекъ льнетъ къ песку.

А д а ж и о.

На берегу дюны двѣ сосны имѣютъ форму чаши.
Бока золотой божеской чаши — нарисованы ихъ расхо-
дящимися стволами. Пока стволы возносятся вмѣстѣ, —
это ея подножіе. Верхніе края разогнуты въ облака
печальнымъ разгибомъ приморской страны. Въ клочко-
ватой хвоѣ, — вихри.

Мы назвали эту чашу, чашей глубины, чашей за-
думчивости и вѣрности.

Этюдъ молодой сосновой роци надъ возморьемъ.

Пасмурное сиреневое небо — вечерѣть, какія онѣ
стройныя!

Я васъ люблю за то, что вы крылатая, а крылатость
ваша еще съ пупкомъ первой молодости. Этотъ пу-
шокъ золотистый, звенящій, а ваши крылья, ваши
крылья надъ моремъ.

Море синее и далекое — полоса до которой летятъ
дерзновенья, а дальше — онѣ сливаются съ синими, и
я не знаю дальше мечта или синь лежить.

И не надо, не все-ли равно! пупокъ юныхъ, кры-
латыхъ героевъ звенить, — а ихъ стройность иногда не
много кривоватая, неожиданная, какъ ранній ростъ.

И примчались въ славу и высь въ свою родную
страну, гдѣ задумались облака... и больше мнѣ ни-
чего о васъ знать не надо, я вамъ вѣрю — зовете меня
голосами отваги, они жгутъ меня какъ пламя чистоты,
но вверху, вверху задумались облака надо мной:

Я иду, и больше мнѣ ничего знать не надо!

* * *

Спрашивалъ ты себя, — зачѣмъ, ты выходишь утромъ
на опушку лѣса — и стоишь, тамъ и ждешь? Это мѣсто
съ коричневой чистой землей, присоренной крупными
иглами. Зачѣмъ это тебѣ надо? и въ то же время это
тебя мучаетъ!...

Твоей душѣ тогда холодно. — Зачѣмъ тебѣ это любо?

— Вотъ сейчасъ «оно» откроется, тутъ-же въ
молчаніи. Я понесу тогда это въ сердцѣ, боясь сказать
о немъ слово. Откроется, то чего ждалось всегда въ
раннія суровыя тишины!

Чего ждалось, чего никогда, еще не было но что
близко — больно подходить и когда уже любишь его до
слезъ — не настаетъ. И только это одно — стоитъ подвига.

Вотъ зачѣмъ выходить на край голыхъ, высокихъ,
одинокихъ стволовъ — и смотрѣть.

Зачѣмъ выходить на нетронутую, чистую землю
лѣса и ждать . . . . .

* *
* *
* *

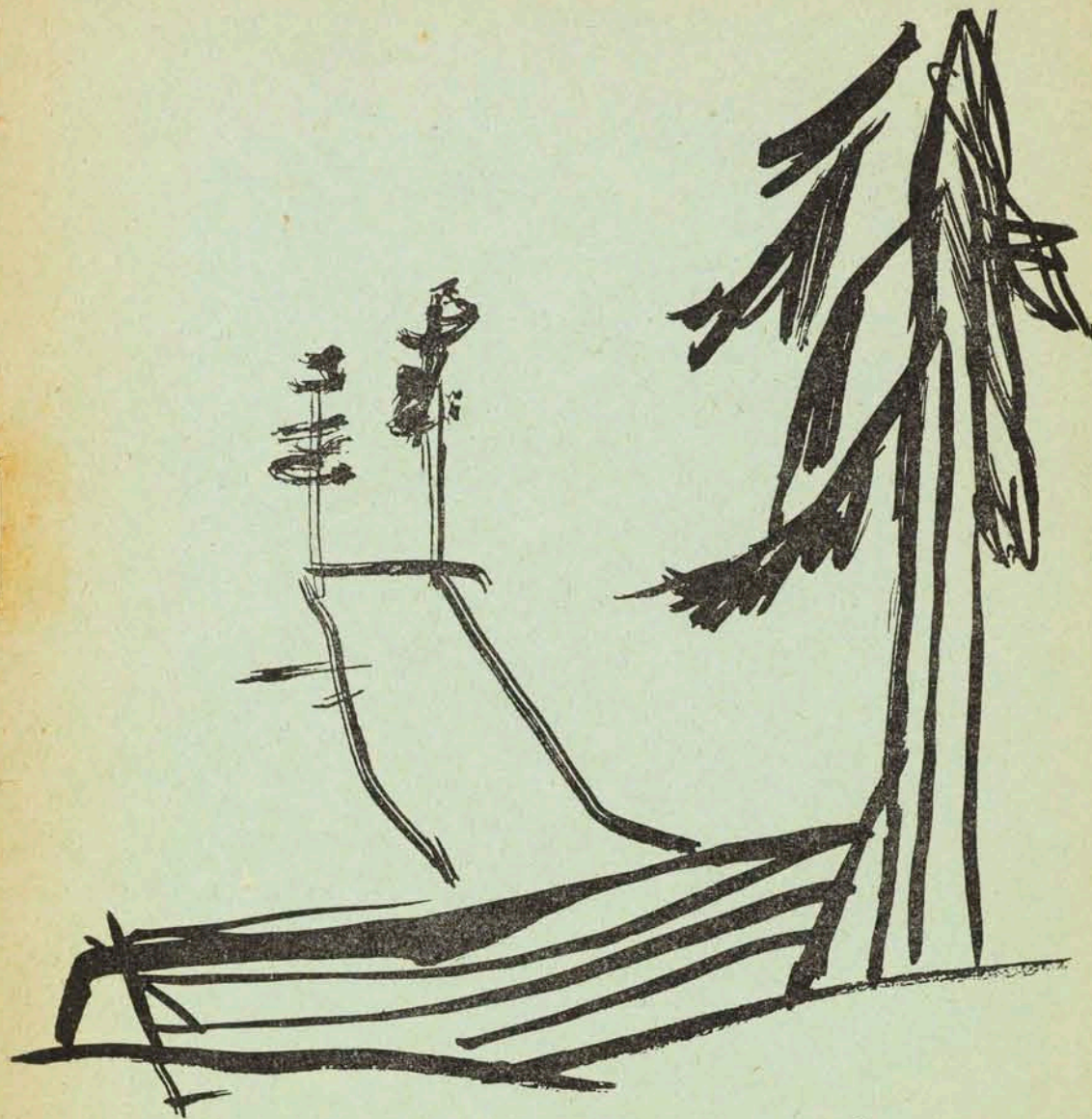
Гордо иду я въ пути,
 Ты вѣришь въ меня?
 Мчатся мои корабли
 Ты вѣришь въ меня?
 Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный,
 Бурей разбиты они —
 Ты вѣришь въ меня?
 Тонуть мои корабли!
 Ты вѣришь въ меня!
 Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный!

Посвящается не-
 равенному сыну его ро-
 дины — Паси Яскеляй-
 нень.

ФИНСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Надъ нами, фрачными, корсетными, крахмальными,
 ты запѣлъ пѣсню родины.
 Ты изъ насъ фрачныхъ, корсетныхъ
 выманилъ воздухъ морозный родины.
 Вотъ изъ голой шейки дѣвушки
 вышло озеро, задутое инеемъ.
 Вотъ изъ краснаго уха мужчины
 вышло облако и часть лѣса,
 а женщина выпустила изъ головы сосны,
 а я дорогу и парня въ валенкахъ.
 И пришелъ мохъ съ болота и морозъ.

Полетѣли по снѣгу дровни—Эхъ-на!
 полетѣли цѣлиной—Эхъ-на!
 черезъ ухабы поскакали—Эхъ-на!

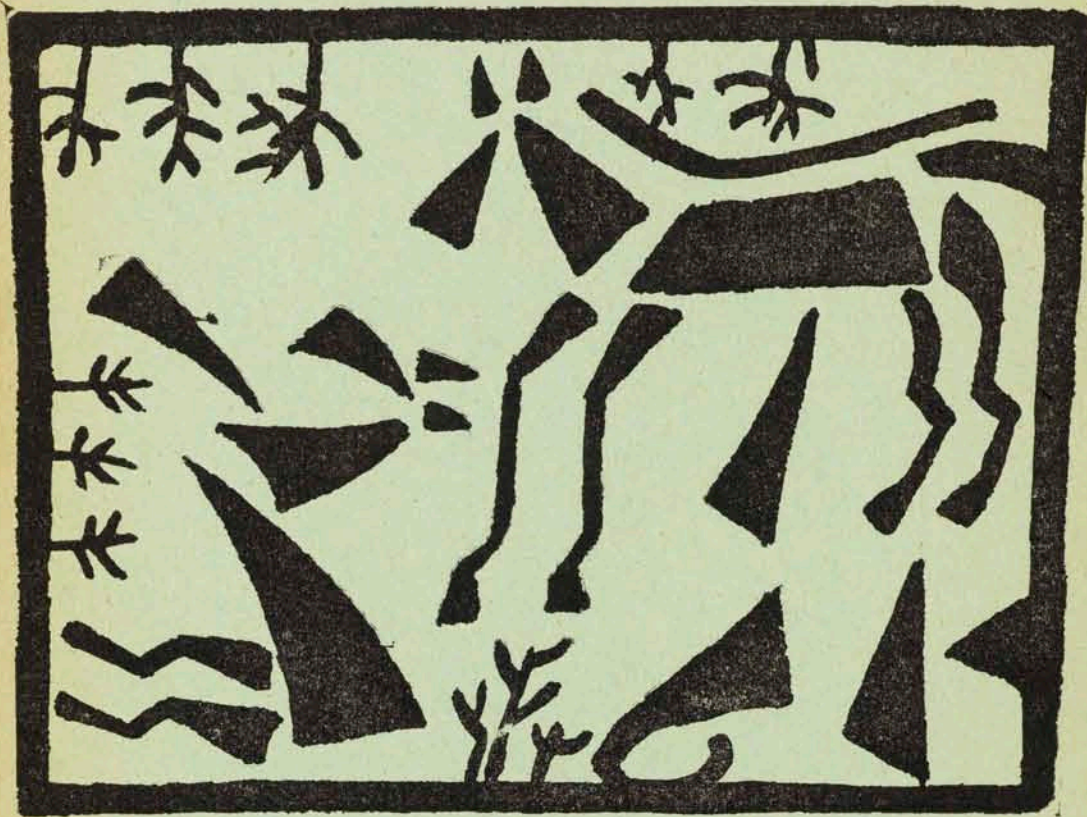

На мотивъ
"Alä' itke ätini!"
Не плачь мать
моя родная.

Ты не плачь не жалѣй меня, мама,
ты не портъ своихъ глазочекъ.
Далеко раскинулась дорога по бездорожью.
Не ломай руки!
Ты не портъ старые глазки!
У тебя сынъ не пропадетъ,
у тебя сынъ изъ можжевельника,
у тебя сынъ — молодой булыжникъ,
у тебя сынъ --- молодая вѣточка,
а вѣточка молодая, пушистая
гнется и не ломится.

Ты не ломай руки, мама,
а бери ведро.
Я всегда за тебя носилъ воду.
Ты, не плачь, мама,
а возьми топоръ.
Я тебѣ топилъ тепло печку,
а у тебя для моего топорщица руки малы.

Эхъ-на! родная земля поетъ.
Вотъ поетъ дорога.
Дорогая моя—вотъ.
Вотъ и самъ я!
а я возжи взялъ,
эхъ, родина!
А я ружье взялъ.
Вотъ—и мать.

В. Туро.

Не тужи, не тужи, родная,
задулъ большой вѣтеръ —
не тужи, не плачь, мама.
Камень при дорогѣ сталь,
сосна шумить.
Вѣтеръ дальше, дальше погналъ окрестъ.
Не плачь, мама.
Родина, родина — земля,
одна ты — мать.
За тебя я ушелъ.
Не тужи, не тужи, родная,
не плачь, мама.

Молитва въ сѣрый день.

Пахнетъ нѣжно тинной, тинной. Всѣхъ море любить.
Близко грѣетъ Божья воля. Богъ, создавшій эту дюну,
Богъ, Покровитель, помоги мнѣ — я нехитрый. Боже
вѣрный сѣрой дюны, ты бережешь твоихъ сѣрыхъ
птичекъ на пескѣ. Я нехитрый, а враговъ у меня
много. Я вродѣ птицы, помоги мнѣ.

Н о ч ь.

Ночью таяло. Небо стояло совсѣмъ раскрытое.
Шель дождикъ. Нѣтъ, капаль туманъ. У фонарей на-
висали, мерцаютъ, почки на почти невидимыхъ голыхъ
прутьяхъ. Распускалась весна. Едва-едва повѣрила
душа и стояла совсѣмъ обнаженная, добрая и глубоко
повѣрила всему. Всякій могъ ее ранить, если-бъ не
укрывала ее тайна ночи. Была съ весной. Паръ под-
нимался, землей пахло, шель дождикъ.

В е с н а.

Къ рѣшеткѣ сіяющей зелени подошелъ прохожій.
Похожъ на дворянина изъ Ламанча тѣмъ, что длин-
ный, несуразный съ нѣжнымъ выраженіемъ лба и ки-
стей рукъ. Но сѣверъ далъ ему свѣтлые волосы и
глаза. Одѣтъ онъ теплой фуфаячкой.

Остановился, руку положилъ на рѣшетку. Смотрѣлъ,
смотрѣлъ, не отрываясь на зелень. Запачкалъ ладонь
пылью. Потерь о панталоны. Оторвался, пошелъ своей
дорогой.

Я мечтаю — если бы въ такой точно вечеръ подо-
шелъ къ моей калиткѣ несуразный прохожій, и сразу
безъ мученья прочла я въ добрыхъ глазахъ, что ему
здѣсь хорошо. Больше ничего. Думаю впередъ и найду
самые разные способы приласкать одинокихъ. Узнаю
гдѣ нибудь живетъ человѣкъ съ нѣжнымъ весеннимъ
лбомъ, и пошлю ему шарфъ нѣжной шерсти сирене-
выми полосками или бѣлый ягнячій и буду радоваться,
что мой нѣжный шарфъ ему ласкаетъ шею.

Такъ водянистый вѣтеръ дышалъ несбыточнымъ ве-
сеннимъ и нетерпѣливой становилась душа.

С.-Петербургъ.
Май. 1911 г.

УТРО.

Окружной аллеюшкой пробѣжалъ мальчикъ и гвалтъ серсо.

Почему не выражаю то, отчего изнываю восторгомъ. Какъ найти мои настоящія дорогія мысли. Чтобъ не сочинять мнѣ чужого и случайнаго. Вѣдь доходить же до меня весеннее. Пробѣжалъ мальчикъ; на плечахъ у него блузочка съ полосками; и я поймала мгновенный божественный скрипъ серсо о песчаную дорожку.

Въ глубинѣ папортники тонкими змѣйками зеленили черную землю къ водѣ. Новая кадка отмокала розовымъ свѣжимъ деревомъ. Надъ ней въ сквозной ивкѣ пѣла, точно нѣжнымъ небомъ прополаскивала горло, птичка.

И души деревьевъ весной такъ недосыгаемо-чисты, унесены въ высоту, что люди внизу мучаются и кажутся себѣ невыносимыми.

Боже, чтобъ не заниматься мнѣ вѣчно чуждымъ, не сыпать чужихъ красивыхъ словъ, да еще со слезами энтузіазма въ глазахъ. Помоги мнѣ. Вѣдь это самоубійство.

Сосновая кадка, синій подснежникъ, поникшіи застѣнчиво. Отъ синевы его больно. Боже, избавь меня отъ чужой красоты, я же въ глубинѣ прямая и горячая. Зачѣмъ синій, нѣжный, въ травѣ, уйдетъ необласканный, его красота невыносимо — весенняя уйдетъ незапечатлѣнной, жертва времени и чей-то плоскости, а я останусь виноватой со словами чужой холодной

красоты на губахъ. Точно не дошли до меня небо и свѣтъ зелени.

Вѣдь это же убійство твоего земного зеленого счастья. Это же убійство. А межъ тѣмъ у какихъ-то мохнатыхъ цвѣточковъ; переходъ лепестковъ изъ сиреневаго въ розовое былъ порукой высокаго назначенія жизни—бездонной искренности и чистоты. И мохъ немного отзывалъ теплой землей въ своемъ бархатѣ.

И душа томится отвѣтственностью за уходящія мгновенія.

Вечеръ. Высота свѣтла. Смотрю на возносящійся стволъ тополя.

Зачѣмъ такъ тяжело? И я не понимаю гдѣ же наша глубина? Почему уходимъ отъ нее? И теряемъ свою глубину и съ ней свой настоящій голосъ. И больше не найдемъ дорогъ?

Ты священный тополь, посылающій въ небо безгранично вѣтви. Всегда гордый, всегда правый, всегда искренній. Ты правда неба—жертвоприношеніе глубины. Духъ величія.

А въ тонкихъ кристалльныхъ березахъ знаки безсмертной жизни. Знаки, что кинутыя здѣсь отрывки встрѣчъ и разлукъ будто минутныя, полны значенія—вѣчно и вѣрно.

Ну пусть. Вы вѣрно знаете недостижимыя, почему я здѣсь наказана неумѣньемъ. Вѣроятно это такъ.

С.-Петербургъ.
Май 1911 г.

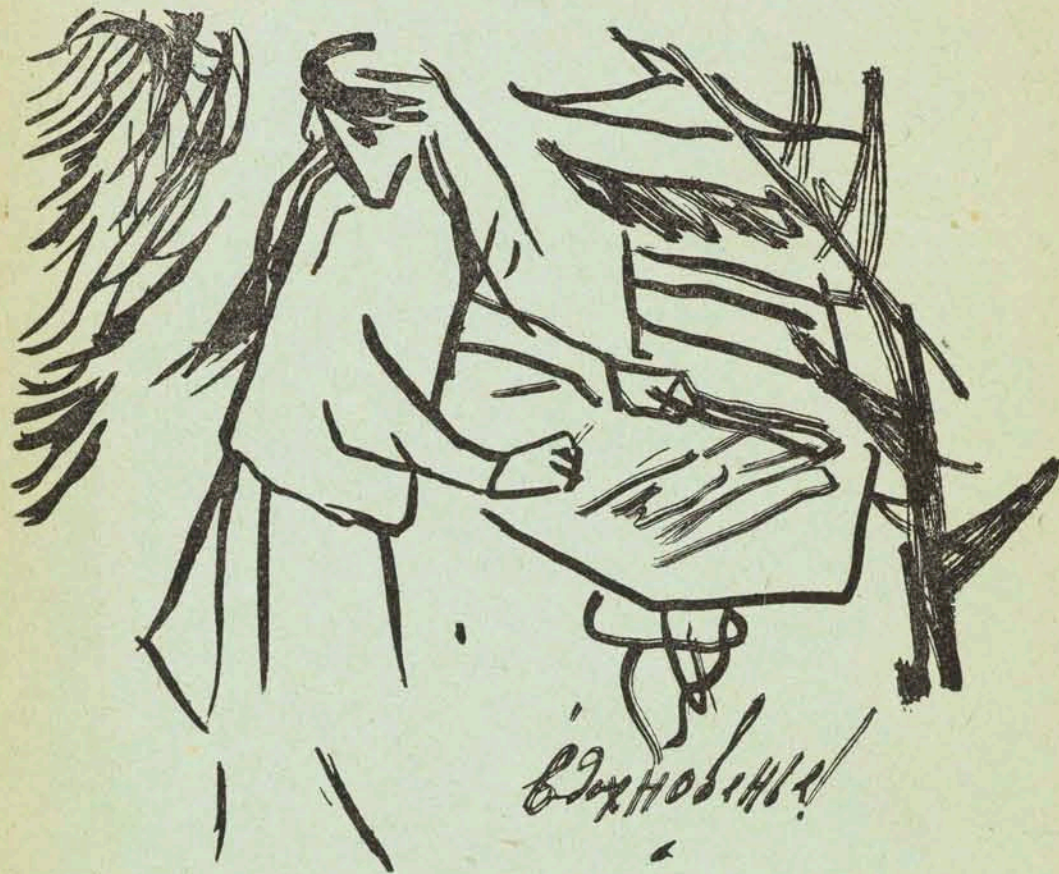
Посвящается М. М.

* * *

Липнулъ къ слѣдкамъ песокъ на протаявшей дорожкѣ. Желтой, желтой. Въ крошечной будущей булочной, будущей здѣсь дачной жизни, въ двухъ окошочкахъ два картонныхъ пѣтуха раскрашены ярко. Смотрятъ на дырчатый снѣгъ. На похиленныхъ вершинахъ протянулась музыка Рахманинова. Мы, вѣдь мы?! Взавшись за руки! Здѣсь будущее—настоящее. Лѣтомъ зазвучитъ, заблеститъ. Ждутъ двѣ вывѣски: булочной и аптеки. Отразилось небо. Онѣ уже въ будущемъ тоже несутся. Онѣ—стихи. Стихи Крученыхъ пахнутъ новымъ лакомъ. Мы это—мы!

Весело. Мечты. Сажу въ дачѣ. Сажу на досчатомъ полу, подъ окномъ. На громадномъ листѣ сѣрой бумаги рисую музыку Рахманинова, разметавшуюся вѣтвями, а за окнами будетъ бѣгать дорожка, липнуть къ слѣдамъ песокъ.

Поселимся тутъ? Хочешь? пока не ушелъ снѣгъ!

Е. Турро.

* *
*

Разложили костеръ на корняхъ и выжгли у живой сосны сердцевину.

Кто? не знаю.

Дерево съ тяжелой кудрявой головой, необъятной жизненной силы—держалось на трети древесины, уродливо лишённое гордаго упора и равновѣсія.

Было очень тихо. Обреченное на медленную смерть, дерево молчало. Несомнѣнно оно знало, что ему сдѣлали,—и окружавшіе его товарищи молчали. И было неприятно и тяжело видѣть выраженіе его головы съ могучими сучьями, какъ тяжело видѣть среди жизни очень здороваго человѣка, котораго временно отпустили, но черезъ срокъ неизбежно назначено повѣсить и онъ это самъ знаетъ, и окружающіе, и всѣ молчатъ...

Назадъ шель вырубкой.

Злобишься-ли ты лѣсъ, когда вершины, что привыкли ходить въ небѣ,—слушать сказанія созвѣздій и баюкать облака,—падаютъ о земь и оскверняются человѣкомъ? Нѣтъ, ты переросъ возможность злобы. Я такъ же переросъ мою злобу, но мнѣ очень тяжело.

НѢЖНЫЙ ДУРАКЪ.

Жиль среди неукротимыхъ бурныхъ и гордыхъ вершинъ человѣчишка: слабоватенькій, вялый, съ милыми глазами—грязноватенькій, потноватый. Заглядывался на цвѣты, на деревья, на звѣзды. Немного боялся, небойсь, грозы и любилъ ее. Вихорокъ у него былъ на лбу, какъ у молоденькаго жеребенка начинающаяся челка. Болѣлъ, хирѣлъ, хворалъ, забнулъ. Блохи его обижали, ни съ чѣмъ онъ не умѣлъ справиться. Любилъ тепленькую ванну, какъ дѣтямъ дѣлаютъ. Въ то время, какъ его ласкала вода,—онъ думалъ:

«О чемъ говорить вѣтеръ. О чемъ говорить. Какъ хорошо».

Елки сказали: «кивнемъ ему въ окно. Онъ все одно, что ребенокъ».

А тому, у кого онъ закачался передъ окномъ темной осенней ночью—снятся сны. Всю жизнь потомъ снятся. Онъ часто оставался одинъ. Онъ очень любилъ людей, слишкомъ къ нимъ привязывался, вихорокъ у него былъ нѣжный, а пришлось оставаться одному.

Ахъ, кому вѣнчанная вершины кивнули въ окно.

ДАЧА СЪ ПРИЗРАКАМИ.

Когда мы подходили къ ней, сквозь ея заброшенный видъ повѣяло намъ, что она кѣмъ-то полна. Чья-то грусть надъ нею склонила крыло и непріятны были разбитыя стекла чердака...

Когда въ послѣднюю комнату вошли, тамъ еще присутствовали тѣни. Пустыя кресла стояли по стѣнамъ и пусто и пыльно было выцвѣтшее сукно стола. Невидимая душа ждала здѣсь вѣстей слишкомъ длинное глухое время, и была тяжесть на всемъ.

Вышли на верхній балконъ. Молодой и свѣтлый соскользнулъ съ перилъ и растаялъ. И береза слегка выступила впередъ и, унесенная, словно гимнъ, открыла аллею встрѣчи, вѣнца и шествія и юнаго торжества!

Такъ было прежде. На гору изгибомъ дорожки межъ веселаго вереска проходилъ онъ — юный Геній. Тогда отвѣчали отовсюду изъ оконъ и балконовъ струны.

Но давно уже никто не шелъ. Заросшей площадкой была оборвана струна, и въ дорожкѣ что-то запустѣло и некуда было ей вести. И надъ радостью встрѣчь прошли года, и стоялъ надъ все́мъ въ пустомъ небѣ запрещающій Знакъ.

Когда мы оглянулись уходя, выше балкона и крышь летѣла сухощавой вершиной чахлая сосна, гдѣ-то высоко надъ все́мъ качалась въ пустомъ бѣломъ небѣ. Въ этомъ былъ тайный призракъ суровыхъ протекшихъ бурь. Чьи-то сжатые губы чудились намъ, когда вспоминался дикій гранитъ внизу дома.

А въ сторонѣ, въ круглой ротондѣ, пировали еще раздвинутыя скамьи. Послышался юный застольный гулъ и арки павильона звучали задраннымъ смѣхомъ.

Внизу павильонъ заглохъ высокой крапивой. Она зашуршала, когда обходили кругомъ.

* * *

Я хочу изобразить голову бѣлаго гриба; умной и чистой, какой она вышла изъ земли, захвативъ съ собою часть планетной силы. Стѣны и крышу финской виллы, какой они выглянули изъ лѣсной горы, омывая удаленностью на высотѣ къ облакамъ.

Облако надъ горой, какимъ она стало, переплывъ свѣтлую небесную сферу.

Лбы звѣрей, освѣщенные бѣлою звѣздочкой: такъ ихъ создало живое Добро дыханія.

И моего сына, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ похожъ на иву длиннымъ согнутымъ станомъ, а поникшей мило прядкой волосъ на лбу — на березу, а свѣтлыми глазами на молодую лиственницу, вонзившуюся вершиной въ небо.

Только онъ еще добрѣ ивы: на немъ вмѣсто коры нѣжность — и свѣтлѣ лиственницы. Онъ смѣется надъ собой. Его прикосновенье благословляетъ вещи.

ПЯТНА.

Надо-бы жить всегда такъ, чтобы, когда выходишь на улицу, могъ быть одинъ удивительный поворотъ, котораго обыкновенно не бываетъ; а за нимъ мостикъ... А за мостикомъ могутъ уже быть и корридоры, или комнаты, или двери. Это не важно.

Она ужасно растерялась, когда ее спросили объ Ибсенѣ. Споткнулась? Уменьшилась? Вошла въ платье? Упала сверху? Нѣтъ, собственно, не упала, но—правда—пришлось держаться за муфту и уже идти какъ всѣ. Она ничего не поняла, только это было ужасно смѣшно и удивительно ненужно. Сначала они шли и молчали. Не знаю, впрочемъ, какіе, тамъ, шли по улицѣ. Но были сразу всѣ улицы, всѣ дома, всѣ повороты, и даже то, что за городомъ, и даже то, что вчера, и все, что можно было подумать, и сказать, и захотѣть. И когда пришлось отвѣчать объ Ибсенѣ, она ужасно растерялась и беспомощно распустила губы. Ну, что-же ей было дѣлать? Какъ-же ей было объяснить, что онъ испортилъ пятно, что они были очень большіе сейчасъ и неслись удивительно. Надъ городомъ. Такіе были большіе, что могли говорить домами и поворотами. И потому вотъ она и не умѣетъ ничего объ Ибсенѣ, совсѣмъ ничего не умѣетъ...

...И почему та, вторая, опять стояла у дверей? На ней было потертое и сырое платье, и она протягивала руку. И почему она всегда проситъ и протягиваетъ руку, и не входитъ въ Вашу комнату? Почему она всегда остается у двери, какъ нищенка? Я ее ненавижу за это. И комнату Вашу ненавижу... И не могу я быть у Васъ королевой, когда та моя, вторая, стоитъ у двери и проситъ. Но это такъ, между прочимъ. Не стоитъ.

Чтобы какъ-нибудь можно было жить въ новой комнатѣ, я придумала ей лицо: что-нибудь полукруглое, бѣлое и деревянненькое. Полукруглое, чтобы связалось съ широкими старыми стеклами, а бѣлое,—чтобы особенные могли приходиться съ балкона, когда стемнѣетъ, а деревянненькое, чтобы можно было все же спокойно ѣсть и смѣяться, вообще, чтобы попроще. И для этого еще на столъ я поставила плоскую стеклянышку съ зеленымъ, а въ нее прутики,—вышла весенняя лужа. И тогда всѣ столы и стулья очень обрадовались и сразу стали на мѣсто. И теперь они такъ ласковы ко мнѣ и такъ внимательны, что иногда нельзя заниматься. Но зато я успокоилась. Это несомнѣнно продолженіе зелено-оконнаго пятна (пусть, пусть, расцвѣтаетъ, я такая покорная!) и даже не городского, пожалуй. Хорошо. Я такъ боюсь лилово-коричневыхъ пятенъ.

«Надо-бы устраивать имъ праздники иногда». Я такъ подумала.

Мы всегда держимъ въ рабствѣ свои вещи. Изодня въ день они стерегутъ объѣдки, слушаютъ скуч-

ное, видят только усталое и ненужное. Передь ними, вѣдь, не стѣсняются. И вотъ, лица ихъ выпѣтаютъ, становятся брезгливыми и раздраженными. Тогда мы ихъ ненавидимъ.

Съ ними очень неприятно, когда они враги,—надо держаться въ себѣ и смотрѣть на все и жить только черезъ себя. Это очень утомительно и однообразно. Но когда они друзья, то живутъ и они, и все самое обычное становится, какъ знакъ, и открывается такая дверь, что можно выйти изъ себя и жить гдѣ-то между вещами и словами. Можетъ быть и такъ, что живутъ они, а я просто дѣлаюсь большая. Почти застываю, такая большая. Но только это хорошо. Когда мнѣ весело, это, какъ потокъ: они всѣ такіе большіе и тяжелые, и всѣ срываются съ мѣсть, какъ безумное стадо. И когда меня ждетъ горе, они заранѣе говорятъ мнѣ объ этомъ. И когда я люблю, они поютъ, они расцѣтаютъ неожиданно... А я только удивляюсь. Я всегда узнаю про себя послѣдняя.

...А если-бы они приказали убить?... Не знаю, ничего я не знаю. Но можетъ-быть очень разны дороги къ самому себѣ.

...А если-бы всѣ люди были, какъ добрыя вещи? Можно было-бы жить въ нихъ, какъ въ вещахъ? Сразу во всѣхъ?... Не знаю. Я ничего не знаю. Но людей труднѣе любить. Они берутъ такъ много.

А вчера Она показала мнѣ окно. (Есть у меня такая Она). Или сама стояла за окномъ, я не знаю. Я быстро шла по темной комнатѣ и говорила о чемъ-то пустяковомъ. И вдругъ окно стало необычайнымъ. Я

такъ и остановилась, потому-что это было, какъ въ дѣтствѣ, какъ сказка, какъ самое несбыточное.. А еще недавно,—были три ступеньки изъ фруктовой наверхъ. Сыпалась изморозь, и онѣ потемнѣли. Я поднималась очень медленно, потому-что устала. И вдругъ меня удивило ихъ лицо,—какъ-будто онѣ давно меня знали. И когда я поднялась на улицу, городъ тоже какъ-будто узналъ меня, хотя я очень смутилась. Городъ разступился для меня. Я можетъ-быть была очень незамѣтная и некрасивая, но весь городъ былъ для меня, какъ раньше... А еще недавно,—вода бѣжала въ шайку совершенно такъ-же, какъ она бѣжала когда-то давно. И тогда оказалось, что все, что, было, и что еще будетъ—уже сліянно. И съ такой радостью, и съ такой побѣдой звенѣла вода, что это было чудо.

И все это дѣлаетъ Она.

...Кругъ. Все коричневое, грязное и покрашенное. И запахъ тяжелый. Внизъ доски. Но обрываются неприятными краями, и снизу просвѣтъ. Сверху свѣта очень мало... Вотъ если я увижу когда-нибудь такое лицо жизни... Нѣтъ, я не хочу. Какое все это было несомнѣнно покрашенное. Только покрашенное, и грязное—и ничего больше. Ничего. И это было страшнѣе смерти... И если взять каждую вещь и до бѣшенства ярко представить, что за ней ничего нѣтъ,—становится всегда страшно. Всякая вещь становится тогда мертвой и страшной.

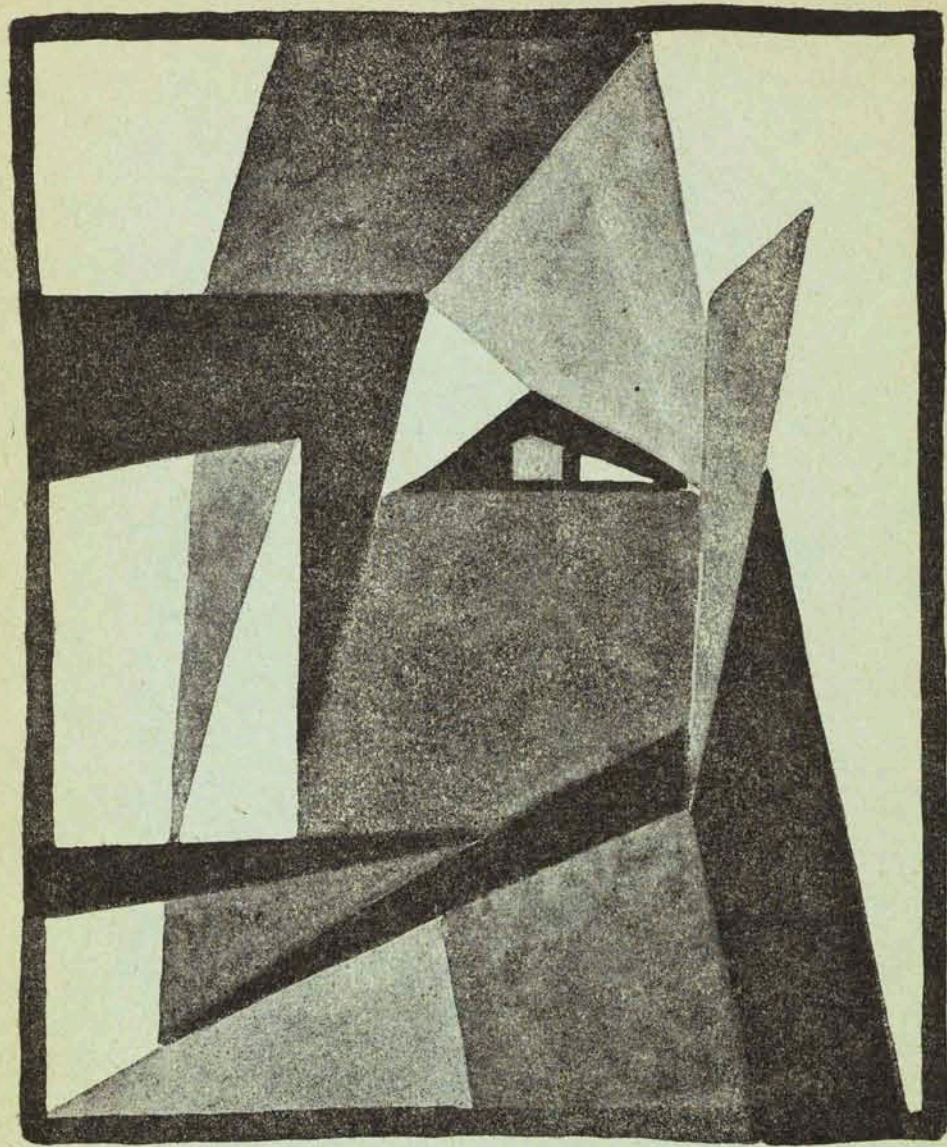
Только этого не надо дѣлать. Это убиваетъ вещи.

Хочу умереть.

„Хочу умереть
И въ русскую землю
Зароютъ меня!
Французскій не буду
Учить никогда!
Въ нѣмецкую книгу
Не буду смотрѣть
Скорѣе, скорѣе
Хочу умереть!“
И въ темной могилкѣ,
Какъ въ теплой кроваткѣ,
Я буду лежать,
Страшась и боясь
А смерть надо мною
Все будетъ летать,
Порхая, кружась.
Но страхъ я забуду,
Какъ только скажу
Слова роковыя,
Опять повторю:
„И въ русскую землю
Зароютъ меня.
Французскій не буду
Учить никогда.
Въ нѣмецкую книгу
Не буду смотрѣть.
Скорѣе, скорѣе
Хочу умереть“.

Въ цвѣты полевые одѣта
Богиня весенняго дня
Идетъ къ намъ въ предвѣстїи лѣта
Изящна, какъ нимфа, весна.
Одною рукою разсыпаетъ
Цвѣты на пустыя поля
Другою рукою бросаетъ
Добро въ молодья сердца.
Такъ скромно ландышь расцвѣтаетъ
Туть, въ уголкѣ, въ моемъ саду
Головку тихо опускаетъ
На грудьку свѣтлую свою.
И думы въ бѣленькой головкѣ
Все роятся какъ стая пчель.
Онъ думалъ тихо о красоткѣ.
Ее старикъ увель.
Малютка бѣгала, играла
Не скучно было ей одной.
Она какъ птичка щебетала.
И такъ мила была собой.
Дитя увидѣло цвѣточекъ
И подошло къ нему тотчасъ
И словно кроткїй голубочекъ
Поцѣловало еще разъ.
Съ тѣхъ поръ цвѣточку все казалось,
Какъ будто бы всегда надъ нимъ
Малютка тихо наклонялась
Щепча: „Не бойся, ты любимъ“.

Малороссїянка Милїца 13 лѣтъ.

В. Бурлюк.

Издательствомъ «ЖУРАВЛЬ»

изданы слѣд. книги:

Шарманка Е. Гуро.

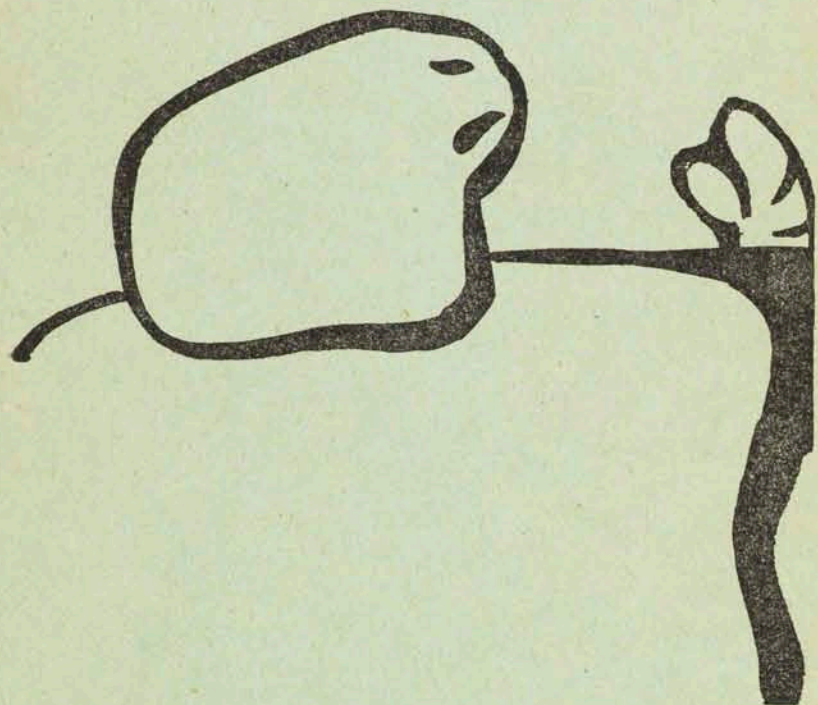
Садокъ Судей I-й.

Осенній Сонъ Е. Гуро.

Садокъ Судей II-й.

Складъ изданій:

Апт. Ост., Песочная, 10, кв. 3.

8. Sypp.

1056
50-
034944
11/84

SPECIAL 88-B
28424
v.2

GETTY CENTER LIBRARY

